

АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ

ЛИНИЯ
ЖИЗНИ

Андрей Львович Ливадный

Линия жизни

Серия «Соприкосновение»

Серия «Прометей», книга 3

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6085657

Линия жизни / Андрей Ливадный: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-65656-1

Аннотация

После катастрофы колониального транспорта «Прометей» на планете Пандора прошло немало лет. Потомки землян вынуждены выживать в ежедневных схватках с одичавшими сервами и беспощадными, как упыри, полукровками. На обломках гигантского космического корабля вырастают «заросли» темпоралов – энергетические артефакты древней цивилизации армахонтов. Прорваться сквозь них – нелегкая задача. Егору Бестужеву и его напарнику репликанту Грею она вполне по плечу. Опытных вояк не собьешь с толку красотами пандорианской ночи, которая лишь выглядит тихой и безопасной...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	72
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Андрей Ливадный

Линия жизни

© Ливадный А.Л., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Тиха и коварна пандорианская ночь. В небе ни облачка. Стальная радуга, семь колец обломков на орбите планеты, изгибается тусклой дугой от горизонта до горизонта. Чуть выше светит полная луна, всегда оставаясь в одной и той же точке, правее видна яркая серебристая капля – это космическая станция Н-болг, принадлежащая морфам. Она тоже не движется, словно законы небесной механики больше не действуют в обозримой Вселенной.

В русле высохшей реки между обрывистыми берегами течет пыльная мгла.

Звуки невняты. Лишь изредка можно различить мягкие шаги или услышать хруст гравия, проминающегося под цельнолитыми колесами планетарных машин. Сиплый шепот водородных движков сливается в монотонный шелест, не нарушающий естественных проявлений ночной жизни. Он тише, чем шорох веток кустарника, взъерошенных случайным порывом ветра.

Колонна растянулась пыльной змеей. Впереди уже показалась излучина русла, а за ней все явственнее проступает холодное зарево, мятущееся над мысом, выхватывающее из тьмы изломанную кайму колючего кустарника, а чуть выше – кроны редких деревьев да остовы загадочных, давно обветшавших конструкций.

Разговоров не слышно. Репликанты используют для связи модули технологической телепатии, остальным же настрого велено молчать.

– Егор, подожди. – Тихая фраза вплелась в мысли проводника, идущего во главе каравана. Он остановился. Пыль, поднятая планетарными машинами, еще не доползла до изгиба излучины, и проводник, окинув взглядом залитое лунным светом пространство, отступил в глубокую тень обрывистого берега.

На вид ему было лет тридцать. Крепкий, жилистый и почему-то совершенно седой. Лицо обветрено. Дыхательная маска болтается на шее. Одет он в выцветшую полевую форму, какую раньше носили репликанты корпорации «Прометей». Поверх нее струится металлокевлар легкой, не стесняющей движения брони, тоже порядком изношенной, сохранившей отметины от множества схваток.

На руках – перчатки с обрезанными пальцами.

Он единственный человек в составе колонны, но об этом никто не догадывается. Репликанты ведь тоже считают себя людьми. Память об их истинном происхождении утрачена.

Машины тем временем остановились. Люди и чужие действовали скоординированно, и только эшранг, хозяин груза, остался под защитой брони. Типа он тут главный.

Мимо промелькнула едва уловимая тень. «Морф», – безошибочно определил Бестужев. Способность этих существ к мимикрии общеизвестна. Разведчики они неплохие, но как

бойцы – не очень. Оружия не признают. Действуют импульсивно, полагаясь на свою феноменальную живучесть, и оттого часто гибнут, особенно в схватках с одичавшими кибернетическими механизмами.

Ожидая, пока репликанты займут позиции, Егор Бестужев внимательно наблюдал за окрестностями. Он выглядел спокойным и собранным. В проседи его висков едва заметно выделялись тонкие, пронзающие кожу металлизированные нити. Над правой бровью виднелся глубокий шрам – след от сгоревшего импланта. Остальные пока еще служат.

Тиха, коварна пандорианская ночь.

Цепь пологих лесистых холмов протянулась вдоль русла пересохшей реки. Вдалеке за сполохами зловещего сияния смутно просматриваются контуры монументальных строений – там расположена древняя верфь армахонтов, вернее, руины ее планетарного дока.

Пыль медленно оседала. Тишина вдруг навалилась вязкая, словно вымерло все, но Егор не верил обманчивым ощущениям, оставался настороже, знал: где-то поблизости всегда таится опасность.

Человеческий взгляд, имплантированный хондийский нерв и кибернетический расширитель сознания предлагали рассудку три разнящиеся в деталях картины окружающего, но Бестужев привычно объединял их, формируя целостное, непротиворечивое мироощущение.

Ближайший холм (в восприятии хондийского нерва)

представлял собой сложное облако запахов, от него, источаясь во тьму, истекали шлейфы особенно резких флюидов.

Имплантированный хондийский нерв безошибочно распознавал даже самые тонкие, едва уловимые ароматы, а тренированный рассудок Бестужева визуализировал эти ощущения. В сознании возникла четкая картина, построенная на основе запахов: слева от него на обращенном к руслу склоне, среди деревьев, у берега ручья темнел вход в старую заброшенную шахту. Там устроили логово амреши – мелкие хищники, опасные только в стае.

В ночной тиши неожиданно взвизгнул плохо отлаженный сервомотор. Егор обернулся на звук. Резкий, сложный, специфический запах встревожил обоняние, хондийский нерв отреагировал ощущением холода, несвойственное человеку отвращение промелькнуло в мыслях, но инициативу тут же перехватил расширитель сознания, и на фоне тьмы проступили характерные силуэты, похожие на призрачных существ.

Энергоматрицы сервов. Стая из пяти машин обитала на правом берегу, за гребнем холма, – Егор читал их сигнатуры как открытую книгу. Эхо войны. Одиравшие и очень опасные экземпляры, функционирующие в автономном режиме.

Бестужев определил метку подразделения, к которому когда-то были приписаны эти боевые машины, его кибермодули сгенерировали код доступа, он вошел в локальную сеть стаи на уровне пассивного приема данных, ничем не выдав

своего проникновения, и понял: заново переподчинить серверов не выйдет. Механизмы сбойные, их системы работают исключительно на самоподдержание. Главная задача – добыча ресурсов и охрана вверенной когда-то позиции.

Нет, даже пытаться не стану. Рискованно. Да и незачем.

Несколько секунд он пристально следил за кибернетическими механизмами. Системы вооружений сканировались уверенно. Тяжелый лазер и два импульсных двадцатимиллиметровых орудия. Набор по современным меркам внушительный, вызывающий тревогу. Не схлестнуться бы с ними ненароком.

Вновь встрепенулся хондийский нерв.

Над левым берегом в кронах деревьев шевельнулись ветви. Легкий ветерок налетел порывом, принес новый запах. Скулы у Егора моментально свело.

Полукровки. Трое. Жуткие гибридные твари. В разгар войны с чужими, когда речь шла о физическом выживании людей, в лабораториях старого колониального убежища были созданы две модификации репликантов. Первая – искусственные бойцы, выращенные в камерах биологической реконструкции. Они почти ничем не отличались от людей и не знали о своем происхождении. При помощи модулей технологической телепатии им инсталлировались полноценные личности, включающие воспоминания о детстве, юности, зрелости. Репликантов готовили как главную ударную силу для решающего наступления. Они должны были осво-

бодить Пандору от чужих и постепенно вместе с людьми заново заселить планету.

Второй тип репликантов был «сконструирован» при помощи генной инженерии. Бойцы немногочисленных спецгрупп являлись носителями хондийского нерва. В их задачу входил захват хондийских боевых кораблей и контроль над ними.

Теперь, по прошествии времени, Егор мог взглянуть на ситуацию со стороны, понять, насколько жутко и бесчеловечно приходилось действовать, но в те годы, ослепленный ненавистью, измученный постоянной внутренней борьбой, он не замечал ничего вокруг. Лично тренировал репликантов. Иногда, в минуты слабости, позволял себе мечтать о настоящей жизни, что наступит после победы.

Сейчас судьба откровенно насмеялась над ним, скалилась в лицо, потирала сухие ручонки.

Вот она – послевоенная реальность.

Полукровки ловко карабкались по ветвям. Наполовину люди, наполовину хонди. Черты их лиц неподвижны, скованы хитином. Движения точны. А вот смысл существования неясен.

Раздражающий запах щекотал ноздри. Имплантированный Егору хондийский нерв чувствовал «своих» и пытался сгладить его инстинктивную неприязнь к полукровкам.

Вот так он и жил – на изломе трех разных, иногда взаимоисключающих мироощущений, не допуская никого в свой

искореженный внутренний мир.

«Где произошел сбой? – Он продолжал наблюдать, осадив распоясавшийся хондийский нерв, приглушив его активность. – Почему в организмах полукровок возобладали гены хонди? Насколько изменилась их психология? Осталось ли в них хоть что-то человеческое?»

От тяжелых мыслей Бестужева отвлекло появление Грея. Репликант, совсем еще мальчишка, уже командовал группой, отвечающей за сохранность груза.

После войны с чужими репликанты оказались брошены на произвол судьбы, предоставлены сами себе, но сумели выжить и даже создали очаги собственной цивилизации.

Грей опасности не заметил. Уровень киборгизации у него высок, но качество имплантов скверное, да и установлены они кустарным способом. Программное обеспечение кибермодулей частью сбойное, что резко сужало круг возможностей при их применении.

– Справа стоя одичавших штурмовых сервов, – сухо сообщил ему Егор.

– Они заметили колонну? – встревожился Грей, пытаясь обнаружить сервомеханизмы.

– Нет, – уверенно ответил Бестужев. – Датчики у них «битые», да и работают в режиме «пассивного приема», – пояснил он. – А вот слева, в кронах деревьев, прячутся трое полукровок. Они нас наверняка видят, но вряд ли решатся напасть.

Репликант настороженно взглянул по сторонам, но вновь не заметил ничего необычного и оттого занервничал, нахмурился.

«Проводник попался странный, – думал Грей, сканируя заросли по обеим сторонам русла. – Эшранг его не нанимал. Повстречался случайно. Предложил провести через темпоралы – их скопление дальше по руслу обнаружили морфы».

Грей от помощи не отказался. Если у человека есть модуль технологической телепатии, значит, ему можно доверять. Таковы негласные правила. Но все равно непонятно, что он тут делает, почему отважился путешествовать в одиночку? Да и сочетание имплантов у него необычное. Известно ведь – все носители хондийского нерва давно выродились в полукровок, а у Егора ни одного пятнышка хитина сквозь кожу не проступает.

– Не вижу никого, – вздохнув, признался Грей. От мысли, что колонна прямоком двигалась в ловушку, холодок проскользнул вдоль спины. – Ты не ошибся? – все еще хмурясь, переспросил он. – Мои датчики ничего не фиксируют.

Бестужев в ответ сформировал канал телеметрии. Модули технологической телепатии открыли прямое соединение между двумя рассудками.

Грей невнятно выругался, молниеносным движением привел в боевую готовность «Грозу» – стрелково-гранатометный комплекс.

– Неслабые у тебя сканеры! – воскликнул он.

Теперь репликант отчетливо видел сервов и полукровок, он принимал данные от имплантов Егора и транслировал их дальше по локальной сети бойцам своей группы.

– Не торопись, – строго осадил его Бестужев. – Оружие убери.

– Сервов за спиной оставлять опасно! – Грей взглянул в сторону холодного зарева. – За излучиной, среди темпоралов, у нас свободы маневра уже не будет!

– Верно, – согласился Егор. – Но и сервы туда не полезут. Они контролируют определенную территорию и за ее границы не выйдут. Если, конечно, их не спровоцировать. – От слов проводника исходила спокойная уверенность, и Грей неохотно опустил оружие.

– И что? Оставим их в покое?!

– Разве сервы тебе мешают? – Бестужев не собирался поддерживать разговор на повышенных тонах. В отличие от репликанта он не видел в сложившейся ситуации ничего необычного, а уж тем более смертельного.

– В спину ударят! – упрямылся Грей. Его лицо побледнело, черты заострились – ну прямо комок нервов. Или вставшая на боевой взвод пружина.

– Не ударят. Разойдемся миром, – вновь с непонятной уверенностью повторил Бестужев, с интересом наблюдая, как пять кибернетических созданий заготавливают боеприпасы. Двое ковырялись в обломках, при помощи технических манипуляторов выискивали подходящие элементы металличе-

ских конструкций; тот, что был вооружен лазером, устроился в небольшой ложбине и нарезал найденную арматуру на короткие цилиндрические болванки. Еще одна пара оставалась настороже, в боевом охранении.

Сервы проявляли изобретательность, которая, к сожалению, напрочь отсутствовала у репликантов. Вот такой странный вывих саморазвития. Куцые искусственные нейросети, накапливающие опыт, но не способные стать основой для полноценного сознания, позволяли боевым машинам, оставшимся без командования и снабжения, освоить некоторые нехитрые приемы «выживания». А искусственно созданные люди проигрывали эволюционную схватку. Их становилось все меньше, год от года.

– Они что, стрелять собираются этим ржавым хламом? – тихо осведомился Грей.

– Угу, – кивнул Бестужев. – Для импульсных орудий арматура по калибру в самый раз подходит. Дальность и точность, конечно, страдают, но на коротких дистанциях мало кому не покажется, уж поверь.

– Странно ты разговариваешь.

– Не обращай внимания. Почему колонну остановил?

– У третьей БПМ в подвеске деталь лопнула. Минут десять на ремонт нужно.

Бестужев кивнул и неожиданно спросил:

– Боишься их? – он подразумевал одичавших сервов.

– Да уж приятного мало! – насупился Грей. – Говорят,

раньше они на нашей стороне воевали?

– Слухи. – Егор уклонился от прямого ответа, хотя знал правду. – Тебя в каком возрасте имплантировали?

– Лет в пять, как и всех, а что?

– Программы кибермодулей, базы данных, инструкции воспринимаешь как догму?

– Да. А как же иначе?

– Мозги включи, – в голосе Бестужева прорвалась непонятная Грею досада. – Почему орудия БПМ зачехлены?

– Да эшранг, сволочь жадная, – махнув рукой, выругался репликант. – Поскупился на запчасти. Какой толк орудия расчехлять? Все равно торчат, как пугачи, – последовал кивок в сторону головной планетарной машины.

Егор лишь скептически хмыкнул. Молниеносное сканирование подтвердило слова репликанта. Блоки управления сервомоторами точной наводки вообще отсутствовали.

– И ты решился на дальний переход? – уточнил он. – Без тяжелого вооружения, только вот с этим? – он взглядом указал на стрелковый комплекс.

– Выхода не было. Голод. Эшранг обещал десятую часть груза в качестве оплаты.

– А что с урожаем?

– Разве не слышал? – удивился Грей.

– Нет, – сухо ответил Егор. – Я в городах уже давно не бывал.

– Темпоралы, – сухо пояснил репликант, – появились за

одну ночь, а через пару дней исчезли. У моих родителей ферма была. Постройки уцелели, но на полях ни одного колоска не осталось. Все погибло. Вместо земли – грязь и какой-то липкий пепел. Жить после этого стало совсем невмоготу. – Он не жаловался, говорил сжато, словно отчитывался.

«Такова природа репликантов, – с горечью подумал Егор. – Их создали для войны, но не научили жить». Наступление, о котором вспоминал Бестужев, захлебнулось – его остановила цепь внезапных катастроф, охватившая планету.

Многие репликанты выжили, однако их судьбам не позавидуешь. В отчаянных схватках они отвоевали себе клочки пространства, кое-как обустроились, но так и остались заложниками искусственно сформированной психологии.

Сменилось уже несколько поколений, но сумерками их сознаний до сих пор правят кибернетические модули с предустановленными программами боевого поведения. Они не дают познавать мир, развиваться, заставляют детей рано взрослеть, формируют из них хороших бойцов, но не более. Все остальное, сугубо человеческое, не поддающееся оцифровке, получается у репликантов с надрывом.

Вот если бы они отказались от имплантаций, но Егор понимал – это невозможно. Для современных жителей Пандоры человек без имплантов и не человек вовсе.

– Грей, а разве без штатных блоков управления нельзя обойтись? – Бестужев все же не удержался, спросил.

– Нет. Не положено.

– Я знаю технический регламент. Но взгляни на сервов. Они ведь приспособились арматурой стрелять!

– Орудия загубят, – ответил Грей. – По сотне выстрелов на ствол, и можно выкидывать.

– Да, но случись нам вступить с ними в бой, кто выживет?

Репликант вновь насупился:

– Есть правило. Никаких «самоделок». Один раз от него отступлю, и все мои машины быстро превратятся в хлам!

– Грей, во многих случаях нужно проявлять смекалку, отступать от правил! – с досадой ответил Бестужев. – Надо учиться у любого, кто встретится на пути! Взгляни вокруг. Этот мир не прощает прямолинейности. Ты предскажешь, а значит, уже мертв!

Репликант, похоже, обиделся, зло, искоса взглянул на Бестужева, но все же переспросил:

– И как, по-твоему, я должен был действовать?!

– Демонтировать орудия, подвеску для них самодельную придумать, установить поверх брони, стрелков посадить, чтоб вручную целились! Ты ведь не только за груз, но и за людей отвечаешь! Нет снарядов? Болтами заряжай! Эшранг скуп? Да за глотку его разок возьми! На место поставь! Ты ведь за него жизнь готов положить, а он? Что он сделал для защиты каравана? – В устах Егора сейчас встрепенулась, заговорила давняя, лютая ненависть. – Морфов себе в личную охрану нанял?!

Грей молча выслушал, отвернулся.

– Непонятно ты рассуждаешь. Меня с детства учили: один раз инструкции нарушишь – и все. Хаос наступит. Не будет больше правил!

– Но мир же постоянно меняется! Надо приспосабливаться! – резко ответил Егор. – Лично для меня базы данных, инструкции, программы – помощь, подспорье, но не указ! Понимаешь, о чем я?

Нет, похоже, Грей ничего не понял, его волновали лишь задачи текущего момента.

– С сервами что? – снова спросил он, меняя тему разговора.

– Пройдем тихо, без боя, – в ответе Егора прозвучало разочарование. – Скоро рассвет, – добавил он. – Ветер поднимется – пыль по руслу погонит. Под ее прикрытием начнем движение.

– Да ты с ума сошел?! Днем через темпоралы идти?! Аур же не видно! Погибнем!

– Грей, я не собираюсь с тобой спорить! Сказал – проведу, значит – проведу! Днем или ночью, мне без разницы. А с сервами свяжемся – только время потеряем, да и без жертв не обойдется. Тебе оно надо?

Репликант снова просмотрел файл сканирования, вздохнул:

– Ты прав. Вооружение у них мощное. Но чтобы днем через темпоралы?! – Он вскинул на Егора недоверчивый взгляд.

Бестужев уже не хотел продолжения разговора. Не соби-
рался он ничего доказывать, по крайней мере на словах.

– Ты лучше морфов придержи, – мрачно посоветовал
он, – чтоб переполох не подняли. Чего они по округе шаста-
ют? Приключений нам ищут?

– Я им вообще-то не указ.

– Значит, иди к эшрангу и потребуй: пусть охрану при
себе держит! Не послушает – я сам ему растолкую. Только
потом на меня не обижайся.

– Ладно. Поговорю с ним. – Грея откровенно озадачил со-
стоявшийся разговор. Станный мужик этот Бестужев. За-
водится с полуслова, словно у него какие-то личные счета
с эшрангами.

* * *

Пыль постепенно осела.

Тихо, поначалу вразнобой, робко и неуверенно защебе-
тали птицы. Верный признак приближающегося рассвета.
«Примерно минут через тридцать полыхнет, – думал Бес-
тужев, шагая в направлении излучины. – Местность надо
осмотреть, сориентироваться, пока ауры темпоралов видны
невооруженным взглядом. А заодно и нервы успокоить».

В обрыве над руслом пересохшей реки он заметил вы-
ступающий фрагмент выпуклого борта с парой оплавленных
надстроек. Дальше и глубже датчики фиксировали «слоеный

пирог» из деформированного металла. Обломки космических кораблей, когда-то принадлежавших разным цивилизациям, громоздились один над другим, образуя основу холма.

Рельеф равнины, сформированный давними событиями, таил под тонким слоем почвы бескрайнюю свалку, состоящую из множества фрагментов космических кораблей.

Здесь царили свои законы, текла своя жизнь.

Укрытые почвенным слоем корпуса космических левиафанов давали приют различным существам. Кроме сервов и полукровок в мрачных лабиринтах обитали цихриты – биологические роботы, по слухам, созданные самими армахонтами. Нередко на холмистых равнинах можно было встретить одичавших морфов. К счастью, эти опаснейшие твари неохотно покидали подземные лабиринты, напоминающие им прежнюю среду обитания.

Особое место среди ветшающих обломков давней битвы занимали хондийские бионические конструкции. Выращенные при помощи генной инженерии, они обладали рядом уникальных особенностей. Техника хонди не разрушалась со временем. Их машины залечивали раны, регенерировали – для этого они укоренялись, подобно растениям, получая необходимые питательные вещества из окружающей среды, энергию же вырабатывали при помощи аварийных биореакторов.

Разные цивилизации развивали свои уникальные технологии, но как когда-то выражался Паша Стременков: «У всех

машин, неважно, живые они или собранные на конвейере, со временем возникают схожие по смыслу проблемы, неизбежно ведущие к сбою».

Он был прав. У сервов, созданных людьми, постепенно накапливались ошибки в системе, что приводило к неадекватной работе программ. У хондийских бионических машин за периоды длительного забвения деградировала управляющая нейросеть.

Внезапно и мощно нахлынули воспоминания. Они всегда приходили вот так, спонтанно, необузданно, словно порыв шквалистого, обжигающего ветра.

Бестужев помнил эти места. Бывал тут еще мальчишкой – в ту пору поверхность Пандоры покрывал километровый панцирь льда, и планетарный док космической верфи был впаян в его толщу, недоступен для исследования.

Их было трое. Подростков, изменивших судьбу планеты. Он, Пашка Стременков да Родька Бутов.

«Мы просто пытались выжить...» – мысленно твердил Егор, успокаивая бешеное биение сердца, отгоняя призраки прошлого.

Он шел по дну высохшего русла реки, а ощущал кашу из льда и воды, видел, как по черной глади талых озер медленно плывут огромные айсберги.

Бестужев зажмурился, оттолкнул воспоминания. Первая группа темпоралов виднелась сразу за излучиной. Энергетическая колоннада полыхала в ночи, столбы зловещего, нежи-

вого света вырывались из-под земли и уходили в небеса.

В последний раз он проходил тут пару месяцев назад, и с тех пор количество темпоралов увеличилось в разы. За ближайшей рощей просматривались новые и новые очаги сияния.

Ему пришлось вскарабкаться по склону, чтобы тщательно осмотреть окрестности.

Плохо дело. Он представил судьбу каравана, не пересекись случайно их пути. Чувство вины, давно отболевшее, снова нахлынуло, причиняя боль. Зря злился на репликанта. Он не умеет мыслить иначе. И погибнет в следующем же дальнем переходе. Реальность меняется с ужасающей скоростью, а современные обитатели Пандоры остаются косными, они не готовы к новым и новым бедам.

Ему хотелось помочь. Попытаться исправить хотя бы малость.

– Грей? – Бестужев принял решение, воспользовался модулем технологической телепатии.

– На связи, – тут же откликнулся тот.

– Ко мне, бегом! Своим людям прикажи, чтоб без команды – ни шагу.

– Новые темпоралы? – забеспокоился репликант. – Много?

– Подтягивайся ко мне, сам увидишь.

Время.

Знакомое каждому слово. Неосязаемая сторона бытия, представленная цепью событий, дат. Субъективно время течет для нас из прошлого в будущее. Оно воспринимается как нечто незыблемое, неподвластное – его невозможно изменить или обратить вспять.

Так считали многие, в том числе и коренные пандорианцы...

Рядом появилась тень.

Грей вытянул шею, невнятно выругался.

– Месяц назад этим руслом ходили, – он окинул похолодевшим взглядом открывшуюся панораму окрестностей. – Веришь, всего пару темпоралов видели, да и то вдалеке.

– Верю. – Егор изменил конфигурацию имплантов. – Я покажу, как пройти.

– Эшранг опять орать будет, – произнес Грей, глядя на жутковатую колоннаду холодного света. – Типа, вы, хомо, во всем виноваты! Загубили планету.

– А сам-то как считаешь? Веришь ему?

Репликант пожал плечами.

– Не знаю, чему верить, – вздохнув, признался он. – Слухи одни. Говорят, что устройства стазиса изобрели армахонты. Слышал о них?

– Угу, – сдержанно кивнул Егор.

– А зачем они время останавливали?

– Такая у них была система защиты при авариях, – не вдаваясь в подробности, пояснил Бестужев. – В космосе она работала безотказно.

Грей пытливо всматривался в колоннады холодного света.

Егор вновь открыл прямой канал обмена данными, предупредил:

– Сейчас я переустанавливаю некоторые программные модули твоего расширителя сознания.

– Просто так? – удивился репликант.

– Да. Ты, вероятно, потеряешь сознание. Думаю, на пару минут, не больше. Согласен?

– Еще бы!

– Ляг на землю, расслабься.

Грей безропотно подчинился. О таком программном обеспечении, как у Бестужева, можно лишь мечтать! В городе, у ремесленников, продавался всякий отстой.

В следующий миг мир перед глазами потускнел, налился тяжелой удушливой чернотой, схлопнулся в точку и угас.

* * *

Сознание вернулось к репликанту минут через десять, процесс обновления программ в кибермодулях прошел намного сложнее, чем предполагал Егор.

Грей привстал, опираясь на локоть, осмотрелся и невольно издал испуганный возглас.

Мир преобразился.

Он стал не просто резче, контрастнее – в поле зрения появились множество новых энергоматриц, теперь он отчетливо видел не только группу сервов, троих полукровок и стайку амрешей, суесящихся подле входа в старую шахту, но и запутанный лабиринт заброшенных тоннелей, и пару живых бионических конструкций, ранее принадлежавших цивилизации разумных насекомых, а теперь ставших пристанищем для полукровок!

– Вот это да!.. – изумленно выдохнул он.

– Как себя чувствуешь?

– Нормально! Зрение немного «плывет». Я столько сигнатур одновременно еще ни разу не фиксировал! Егор... спасибо тебе!

– Пока не за что. На темпоралы взгляни. Я кое-что объясню, а ты запоминай, в жизни пригодится.

Грей сконцентрировал мысленный взор на колоннах холодного света и в первый миг не поверил показаниям имплантированных датчиков.

Ближайшее скопление темпоралов, проросшее на ниве искореженных космических кораблей, приняло вид рощи, энергетические всплески древовидной структуры ветвились, тянулись ввысь, но в отличие от обычного леса они не сплетались ветвями, не соприкасались – каждое «растение» су-

существовало строго в границах ауры – светового эффекта, издали похожего на колонну.

Бестужев был прав! Между темпоралами можно пройти!

– Егор, а где ты взял свои программные модули? – вопрос вырвался у Грея помимо воли. Сейчас он просто не контролировал эмоции. – Ремесленники ничего подобного уж точно не изготавливают!

Вот почему Бестужев сторонился населенных мест. Редко и только в силу крайней необходимости контактировал с современными жителями Пандоры. Он не мог открыть правды. Во-первых, это ничего не изменит. Не уничтожит разрывы пространства и искажения времени, постепенно уничтожающие планету. Во-вторых, что сказать Грею? Ты не человек? Потомок биороботов, которых мы создали в целях войны? А я один из тех, кто принимал эти трудные решения, стоял у истоков? Видел и пережил появление первых темпоралов, но угодил в сдвиг времени и вот теперь я тут – ищу спасение, не для себя лично, но для всех?

К чему приведет такая правда?

Существовал и другой вариант. Егор мог бы остаться. Осесть в одном из городов, помочь какой-то отдельно взятой группе репликантов, по сути – догореть вместе с ними.

– Откуда мои программы – неважно, – сухо ответил он. – Ремесленники не знают всех тайн прошлого. Я побывал в местах, где еще сохранились древние знания.

– Ты встречал людей из Убежища?!

Егор кивнул.

– Какие они?

– Обыкновенные. Не боги и не демоны. Можешь поверить. От нас ничем не отличаются. Разве что знаний у них побольше.

– Почему же они не вмешаются?

– Разрывы пространства, что бы там ни шипел эшранг, созданы не людьми.

– Да ладно! – Грей, конечно же, не поверил. – Была война. Наши предки использовали устройства стазиса как оружие. Они деформировали пространство и время! Темпоралы появились по их вине!

– Грей, тебе по большому счету не все равно? Ты пытаешься выжить или ищешь истину?

– А ты?

Бестужев сумрачно промолчал, так и не ответив на вопрос.

* * *

Темпоралы вызывали у Грея откровенную оторопь. Он и раньше слышал, что внутри столбов холодного света скрываются структуры, похожие на энергетическую растительность, но не очень-то верил. Вообще разнообразных слухов ходило множество. Хонди – насекомоподобные существа, обладающие чем-то вроде генетической памяти, – с уверен-

ностью утверждали, что раньше Пандора принадлежала армахонтам – могущественной космической цивилизации, построившей межзвездную сеть и мудро правившей тысячами миров на протяжении тысяч лет.

Грей не верил хонди. Он считал, что существа, способные путешествовать через гиперкосмос, умеющие манипулировать пространством и временем, не могли быть побеждены несколькими «младшими расами». Намного правдоподобнее звучали злобные утверждения эшрангов о том, что люди, вторгшиеся на Пандору, отыскивали некие древние устройства и бездумно использовали их в качестве оружия, не заботясь о последствиях.

Где правда, а где вымысел, понять сложно, да Грей особо и не ломал себе голову. Он был занят проблемами выживания – их хватало с избытком.

Вниз вела тропа. Они с Егором спустились по склону, вновь оказались на дне высохшей реки, но уже за излучиной русла.

– Я отключил телеметрию. Что видишь?

Грей внимательно осмотрелся. Новое программное обеспечение работало без сбоев.

– Вижу структуры, похожие на деревья. Вокруг каждого темпорала – полупрозрачное сияние, – лаконично доложил он.

– Оттенки ауры различаешь? – спросил Егор.

– Да. От бледно-сиреневого до алого. Цвета разной интен-

сивности. Что это значит?

– Присмотрись – поймешь.

Грей с детства привык к двойственному восприятию, но сейчас стушевался.

Он всматривался в полыхающие ауры темпоралов, не понимая, что хочет от него Бестужев? Что я должен разглядеть в неровном, мерцающем сиянии?!

– Слепну... – признался Грей.

– Поиграй с настройками восприятия. Если хочешь выжить – учись быстро! – Он указал рукой в направлении красноватой ауры. – Обрати внимание, там, в границах сияния, время ускоряется. Взгляни на землю, подле основания темпорала.

– Да, вижу! – воскликнул Грей. – Это кости и хитин?!

– Верно. Останки эшранга и двоих хонди. Они попали в границу искажения и погибли.

– Отчего?

– От голода и жажды.

– А если б у них были припасы?

«Он любопытен. Может, со временем из Грея и получится опытный проводник», – подумал Егор. Теперь он уже не жалел о принятом решении.

– Они бы умерли от старости. Примерно за пару минут нашего времени. Однажды мне довелось наблюдать подобное, картина, прямо скажу, не для слабонервных. Но взгляни сюда, – он снова рукой указал направление.

– Ух! – восхищенно выдохнул Грей.

Аура темпорала сочилась багрянцем. В ее глубинах медленно вспухали энергетические пузыри. За внешней границей сияния рос кустарник, в его ветвях, нисколько не тревожась близостью временного сдвига, заливались пичуги. Пахло лесом.

Контрасты просто сводили с ума!

Вот один из пузырей внезапно лопнул, и на землю посыпалась различная труха, кусочки высохшей коры, мелкие сломанные веточки, а вместе с ними упало несколько семян. Через миг появились ростки, секунду спустя два молодых побега уже вытянулись вверх почти на метр!

Грей затаил дыхание. Такого не увидишь в природе! С каждым мгновением деревца становились все выше, прошла минута, а они уже приняли вид старых вековых деревьев. Структура темпорала терялась среди густых крон, некоторые ветви разрослись так бурно, что вышли за границы сияния и тут же начали увядать, но, прежде чем погибнуть, они уронили плоды!

– Редкое явление, – произнес Егор, с сожалением наблюдая, как состарились, высохли и рассыпались в прах деревья внутри ауры.

– Так семена растений попадают в наш мир? – догадался Грей. – Но откуда они берутся?

– Точно не знаю, – ответил Бестужев. – Думаю, с других планет, где тоже существуют темпоралы.

– С других планет? – как эхо повторил Грей. – Хочешь сказать, не только наш мир погибает?

– Утверждать не стану. Мы наблюдаем лишь часть процесса, доступную, если так можно выразиться, «с нашей стороны». Но я видел, как формируются энергетические пузыри. Они захватывают все, что скопилось у подножия темпорала, и затем как будто растворяются в воздухе вместе с содержимым. Думаю, наш мир подобен перекрестку. Пересечению многих путей в пространстве и времени. Только мы не знаем, как путешествовать по этим дорогам.

Грей притих, призадумался. Бестужев теперь казался ему не просто странным. Откуда он столько знает о темпоралах? По виду не скажешь, что исследователь или ученый. Он больше похож на крепко избитого жизнью воина, странника, так почему же его голос дрогнул, а взгляд – холодный и колющий – на миг оттаял, когда внутри ауры появилась нежная клейкая зелень молодых стремительно развивающихся побегов?

Он хотел что-то спросить у Егора, но Бестужев вновь переключил внимание репликанта:

– Теперь взгляни сюда.

Грей повернул голову. Он уже немного освоился с новым программным обеспечением имплантов. К тому же доходчивые объяснения и наглядные примеры быстро подсказали, что именно нужно искать, на какие детали обращать особое внимание.

Указанный Бестужевым темпорал излучал пронзительную лазурь. Внутри сияния он заметил серва, звенга и полукровку – все трое выглядели будто творения скульптора, запечатлевшего миг движения.

– Там время замедлилось?

Егор кивнул.

– Тогда что значат вот эти тускло-желтые ауры? – спросил Грей, переводя взгляд на тесную группу энергетических деревьев. К своему удивлению, он не обнаружил в границах аномальных зон каких бы то ни было материальных подсказок.

– Молодец. Быстро схватываешь, – похвалил его Егор. – По личному опыту, – он не стал ничего конкретизировать, – могу сказать: темпоралы никогда не появляются на пустом месте. Они зарождаются в точке, где происходит очередной сдвиг времени и разрыв пространства. – Бестужев старался объяснять как можно проще, доходчивее. – Темпоралы своим появлением как бы запечатывают аномалию, понимаешь? Не дают ей расширяться, постепенно стабилизируя опасный участок.

– Поэтому говорят, что появление первых темпоралов спасло нашу планету?!

– Верно.

– Егор, а откуда ты все это знаешь?

Бестужев лишь пожал плечами:

– Много путешествовал, наблюдал.

– То есть желтоватые ауры принадлежат уже стабилизированным участкам? – Грей был потрясен. Мысли постоянно перескакивали с одного на другое, внимание рассеивалось. Новые знания о мире, новые возможности восприятия просто ошеломили!

– Правильно. Вскоре такие темпоралы просто погаснут, исчезнут.

– И на их месте уже не останется аномалий?

– Да.

– Но откуда берутся разрывы пространства? – спросил репликант.

Любознательность Грея импонировала Егору. На долю Бестужева выпало столько испытаний, что с лихвой хватило бы на несколько жизней. Если оглянуться назад (а он не любил этого делать), то увидишь узкую коварную тропу, выющуюся по самому краю пропасти. Не было легких путей и однозначных решений. Не было и жизни – только борьба. Часто он вел ее за пределом человеческих сил. Но у него в далеком, потерянном прошлом были друзья. Настоящие друзья. А есть ли они у Грея? Наверное, нет. Репликанты хоть и сумели выжить, но их взаимоотношения строятся на основе рационального сотрудничества. Исключения из правил настолько редки, что Грей определенно заслуживал честных ответов. Быть может, знания, полученные от случайного попутчика, в чем-то изменят его жизнь, мировоззрение, сделают еще более любознательным, а значит, и более человече-

ным?

Здесь крылась дилемма. У любого знания есть и обратная сторона. Правды, которой владел Егор, репликант не выдержит, однозначно. Сейчас его мир достаточно прост, понятен. Но стоит дать чуть больше информации, и она превратится в лавину. Сомнет рассудок. Посеет в душе сомнения, фобии.

Нет. О рождении темпоралов и роли людей ему знать совершенно не обязательно. Тем более что современные процессы отличаются от тех, изначальных. В понимании Егора существовали две равновероятные гипотезы. Первая перекликалась со злобными утверждениями эшранга, дескать, люди виноваты во всем. Да, мы использовали технологию стазиса как оружие, но первые разрывы пространства и сдвиги времени возникли отнюдь не в зонах боевых действий. Возможно, мы подтолкнули процесс, ускорили его, но не инициировали – это точно.

Грей, сам того не подозревая, задал самый болезненный и актуальный вопрос. Что привело к современному положению вещей? Стихийные силы Вселенной изуродовали лик планеты или же неразумное, безответственное использование технологии, которую мы не понимали, но пользовались ею?

– Я в точности не знаю, как возникают разрывы пространства, – после недолгой внутренней борьбы ответил Бестужев. – В последнее время темпоралы появляются и исчезают

буквально на глазах. Тебе нужно запомнить лишь одну важную особенность – их ауры, за редкими исключениями, никогда не пересекаются. То есть всегда можно проложить тропу, даже если перед тобой настоящий энергетический лес.

– Лес?! – неподдельно удивился Грей.

– Да, я видел и такое.

– Где же ты путешествовал?

Бестужев пропустил коварный вопрос мимо ушей.

– И еще одна деталь. Остерегайся применять вблизи темпоралов мощное энергетическое оружие. Действуй осторожно, с умом, тогда останешься жив, пройдешь там, куда другие и взглянуть опасаются. – Егор говорил, не давая Грею задавать встречные вопросы. – Запомни, ауры темпоралов можно использовать в своих целях. Например, укрыться от выстрела или, наоборот, нанести неожиданный удар. Большинство твоих противников не способны воспринимать энергоматрицы. Для них все темпоралы кажутся одинаковыми. И последнее. По границе желтоватых аур можно пройти. Будет трудно дышать, возможно, вырубятся импланты, неприятно, но не смертельно. А теперь давай попробуй сам проложить маршрут.

– Как? Только по показаниям датчиков?

– Да. Роща небольшая. Сканируются все темпоралы. Задача несложная, справишься.

Рассвет хлынул со всех сторон.

Солнце не восходило – оно появлялось в зените, за считанные секунды. Ночь и день сменяли друг друга почти мгновенно.

Ауры темпоралов поблекли, растворились в дневном свете, превратившись в ловушки для неосторожных путников.

– Вот, готово. – Грей транслировал Егору обновленную электронную карту местности с нанесенным на ней маршрутом.

– Что ж, – Бестужев одобрительно кивнул, – неплохо. Теперь возвращаемся к колонне. Чувствуешь, ветер поднимается? Пойдем, как я и говорил, под прикрытием пыли.

– А почему ты велел не трогать сервов?

– Опасно. Уже не в первый раз замечаю: темпоралы реагируют на мощные всплески энергии. Своими глазами видел, как они появляются в местах боев между сервами.

– А как же водородные двигатели БПМ? – тут же забеспокоился Грей.

– Они маломощны, – успокоил его Бестужев. – Реакторы космических кораблей, особенно те, что до сих пор питают установки стазиса, генераторы плазмы, лазерные излучатели мегаватт на двести – вот примерный список устройств, способных спровоцировать появление нового разрыва метрики

и как следствие – темпорала.

Переговариваясь на частотах технологической телепатии, они миновали излучину и уже подходили к головной машине колонны.

– Егор, вот ты сказал, что встречался с людьми из легендарного убежища.

– Ну?

– А почему они скрываются?

– Все сложнее, – Бестужеву пришлось не по душе возобновление темы, но делать нечего, сам нарвался, нечего было и упоминать. – Они не скрываются. Просто живут в ином временном потоке. Говорят, – он сознательно употребил это слово, словно лишь слышал версии, но ничего не знал наверняка. – Говорят, в момент массового появления темпоралов, когда произошел первый сдвиг времени, наша реальность как бы расслоилась. В разных регионах время течет по-разному. Слышал ведь о таком явлении?

Грей кивнул.

– А правда, что они использовали какую-то древнюю технологию? Ну, чтобы победить в войне с чужими?

Разговор принимал опасное направление, но Егору не пришлось отвечать на неудобный для него вопрос. Хондийский нерв внезапно встрепенулся, мощно и радостно, однако чувство мгновенно трансформировалось в ощущение тревоги, непоправимой беды, которая уже близко.

Две темные точки показались у горизонта. Они стреми-

тельно приближались, росли в размерах, принимая очертания фаттахов – хондийских аэрокосмических истребителей.

Спину окатило ледяной испариной. Бестужев не терял ни секунды. Дальнейшее развитие событий, в его понимании, читалось легко.

– Грей, разворачивай машины! Отходи! Назад по руслу как минимум на километр! Огня никому не открывать! В темпе!

Поздно! Слишком поздно!

Кто же мог предвидеть внезапное появление двух бионических машин?!

Фаттахы шли парой, низко, почти над самой землей, едва не цепляя макушки деревьев. Их пилоты ориентировались по руслу реки, следуя ему, как путеводной нити, используя первый час светлого времени для разведки местности.

«Где-то поблизости вышел из стазиса крупный космический корабль, – догадался Бестужев, провожая взглядом бионические машины. – Скорее всего, потрепанный в бою хондийский крейсер. Для его экипажа несколько веков пролетели как миг. Хонди сейчас напуганы, дезориентированы, сбиты с толку. Они очнулись, погребенные заживо. Наверное, им удалось расчистить один из шлюзов, выбраться на поверхность, выпустили истребители. Теперь пытаются понять, что же случилось с планетой?!»

– Егор, эшранг отказывается поворачивать назад! Он требует продолжить движение! – пришло сообщение от репли-

канта.

– Грей, если надо – пристрели его! – ничего не объясняя, огрызнулся Бестужев. – Уводи колонну!

– А ты?

– Я следом! Действуй!

Нет. Уже никому не спастись... Бестужев единственный представлял последствия появления фаттахов. Если они ввяжутся в бой с сервами, то появления новых темпоралов уже не избежать!

Пара истребителей шла на антигравитационной тяге, двигаясь на предельно низкой высоте и скорости. Пилоты, совершенно незнакомые с особенностями современного выживания, совершали плавные маневры, сканировали местность, собирали данные.

Вот и излучина.

Егор обернулся. Колонна из семи машин начала разворачиваться, но слишком поздно – одичавшие боевые сервы заметили появление хондийских истребителей. Созданные в целях войны, они не утратили программного смысла своего существования, не важно, сколько времени минуло с тех пор, как им были установлены цели и задачи.

Первая очередь, выпущенная из импульсного орудия, разминулась с фаттахом, ударила в склон холма, по другую сторону русла.

Дико заверещали амреши. Снаряды перерубили ствол дерева, в кроне которого прятались полукровки.

Фаттахы огрызнулись лазерными разрядами, озарились сполохами от работы реактивных двигателей, легко, стремительно набирая высоту, и тут же, совершив боевой разворот, ринулись в атаку, обрушив всю огневую мощь на позиции сервов.

* * *

Бой вспыхнул, как лесной пожар.

На правом берегу, подожженные шквалом лазерных разрядов, уже пылали деревья, огонь валом катился по склону, пожирая кустарник.

Среди языков пламени промелькнули силуэты боевых машин. Их броня рдела вишневыми рубцами попаданий, но уничтожить штурмовых сервов не так-то просто – нужно знать уязвимые места.

Пользуясь естественной тепловой засветкой, маскирующей их от датчиков фаттахов, двое, оснащенные импульсными орудиями, резво выдвинулись на заранее оборудованный рубеж, в то время как их безоружные сородичи совершили прямо противоположный маневр: жертвуя собой, они выскочили на дальний, еще не охваченный пожаром склон и пустили вниз, к распадку, привлекая внимание.

Хондийские пилоты попались на нехитрый тактический ход. Они увидели цели и снова устремились в атаку, на этот раз не с пикирования, а на малой высоте – скорость переме-

щения сервов располагала именно к такому маневру.

По сути, одичавшие боевые машины навязали хондийским пилотам свои правила боя, выдержали первый удар, заманили в ловушку и теперь готовились эффективно уничтожить противника фланговым огнем из импульсных орудий.

Бестужев не лез в схватку. Чем быстрее фаттахы будут обращены в груды чадающих обломков, тем меньше вероятность возникновения темпорала.

«Ткань нашего пространства стала совсем слабой», – мимолетно подумал он, наблюдая, как хондийские истребители выравнивают курс, совершая плавный заход на беззащитные цели.

С протяжным воем ударили импульсные орудия, ведущий истребитель мгновенно превратился в огненный шар, второй буквально через доли секунды просто разорвало очередь – обрезки металла, разогнанные до околозвуковой скорости, вспороли органическую броню, превратив ведомый фаттах в черно-серое облако бесформенных частиц.

– Егор, что там происходит? – раздался по связи взволнованный, полный напряженного ожидания голос репликанта.

– Фаттахы сбиты. Думаю это конец, но все же выжди, я дам команду, когда можно будет двигаться.

– Понял.

Бестужев ни на секунду не упускал сервов из виду. Тот, что был вооружен лазером, получил наиболее серьезные повреждения – еще в начале боя он кубарем скатился по склону

на дно высохшего русла и теперь лежал, как перевернутый на спину жук, конвульсивно подергивая тягами перерубленных приводов.

Пара, сыгравшая роль приманки, уже спешила ему на помощь, те, что сбили истребители, остались на позиции в готовности отразить новую атаку.

Сотня выстрелов на ствол – не так уж и мало, учитывая, что сервы выпустили всего по пять зарядов.

Бестужев во время скитаний по безжизненным пустошам Пандоры повидал множество подобных схваток. Все чаще и чаще они приводили к возникновению темпоралов, но сегодня ситуация принимала особенно скверный оборот.

К покалеченному серву спешили его собраты. А по нетронутому огнем, заросшему кустарником склону ловко продвигались трое полукровок. Было совершенно неясно, чем они собираются поживиться?

Видимо, высохшее русло являлось нейтральной полосой, разграничивающей ареалы обитания различных существ. Бестужев вскинул автомат. Полукровок надо остановить. Если они сойдутся в схватке с сервами, последствия будут плачевными. Над местом гибели хондийских истребителей он заметил змеящееся сполохами искажение реальности – верный признак едва не возникшего разрыва метрики пространства.

Как и почему применение высокоэнергетического оружия провоцирует появление аномалий, Бестужев не знал, но опыт

подсказывал – лучше до этого не доводить!

Прицелиться Егор не успел. Двое сервов уже прорвались через охваченный огнем склон, а их потенциальные противники вдруг отступили, юркнули в неприметный лаз, ведущий в недра холма.

Одумались? Поняли, что силы неравны?

Дым расплзался удушливыми клубами. Визгливо орали перепуганные амреши.

Недоброе предчувствие глодало душу. Бестужев доверял своей интуиции, но сейчас не мог взять в толк – что упустил?

Пытаясь разобраться в ситуации, он вновь подключился к локальной сети стаи сервов.

Проклятие! Еще один фаттах! Старый, давным-давно погребенный в недрах холма, на левом берегу! Вот куда отступили полукровки! Они сумели взять регенерировавшую бионическую машину под свой контроль, но не решались использовать, понимая явное превосходство сервов, однако сейчас баланс сил изменился, и полукровки не собирались упускать подвернувшийся шанс. Сервы представляли для них постоянную угрозу, и избавиться от скверного соседства, умело используя ситуацию, было с их стороны вполне логичным, закономерным шагом.

К тревожным звукам внезапно добавился протяжный скрежет. Земля на левом берегу вздрогнула, начала вспучиваться, вниз покатались комья глины и какие-то ржавые обломки.

Обычно Егор уклонялся от бессмысленных схваток, но сейчас, оказавшись в эпицентре событий, был вынужден действовать. «Фаттах для меня недосыгаем, – промелькнула мысль, – да и выберется ли укоренившийся истребитель из своего логова – пока неясно, но сервы уже заметили его реактивацию и отреагировали на новую угрозу».

– Егор? Что у тебя? – не ко времени вышел на связь Грей.

– Не мешай! Тут еще один фаттах!

– Что будешь делать? – забеспокоился репликант.

– Ломать локальную сеть сервов! Нельзя допустить, чтобы всколыхнулась вся округа! Придется сыграть на стороне полукровок! – Он отвечал, работая с имплантами.

– Мы идем к тебе! Поддержим огнем.

– Не лезь!

Внял ли Грей – непонятно, но Бестужеву уже было не до него. Он вошел в локальную сеть группы боевых машин и нарушил обмен данными.

Сервы почувствовали сбой, на миг замерли, пытаясь восстановить взаимодействие.

Сухо ударили одиночные выстрелы. Егор воспользовался несколькими секундами всеобщего замешательства, чтобы лишить боевые машины их главного преимущества – мощных систем вооружения. Он целился по сервомоторным узлам, четыремя точными выстрелами ему удалось заклинить механизмы наведения импульсных орудий, пятым Бестужев навывлет прошел ядро системы серва, оснащенного лазером.

Внезапно на охваченном огнем склоне раздался приглушенный взрыв.

– Грей, я же сказал: не вмешивайся!

Еще два кустистых гранатных разрыва выросли на правом склоне, а вслед полыхнула ярчайшая вспышка – рванул энергоблок у одного из сервов!

– Прекратить огонь! – вне себя от ярости закричал Егор.

Его рискованный план рухнул. Предотвратить появление еще одного фаттах не удалось, а над сухим руслом все ярче разгорались сполохи набирающих силу искажений!

Хондийский истребитель появился из растущего провала в почве. Его окружали тонны поднятых в воздух обломков, среди искореженных конструкций в поле антигравитации, которое генерировали двигатели фаттах, плавали пласты дерна, вырванный с корнем кустарник, комья глины.

Росчерки лазерных разрядов полоснули вдоль русла. Вершина холма теперь напоминала извергающийся вулкан. Вопли испуганных амрешей потонули в реве и грохоте.

Фаттах вел ураганный огонь, покачиваясь в поле антигравитации.

Репликанты, так не вовремя вступившие в бой, ответили шквалом автоматных очередей.

Не левом берегу загорелась трава, за ней вспыхнул кустарник. От фаттах полетели клочья органической брони, он дернулся, в судороге обрывая белесые корни, при помощи которых питался, и регенерировал, покаясь в недрах возвы-

шенности.

В следующий миг реальность не выдержала. Столб призрачного света зародился где-то глубоко под землей, ударил в небеса, аура новорожденного темпорала вспухла волдырем, мир на мгновение превратился в стекло, но на этот раз судьба пощадила Егора.

Зловещее сияние охватило площадь в десяток квадратных метров и вдруг стабилизировалось, прекратило расширяться.

Один удар сердца.

Фрагмент реальности застыл навеки.

Сложная, многократно переплетенная структура энергетических нитей сформировала ствол темпорала, от него отделились ветви, устремились вверх.

Фаттах оказался в ловушке. Сдвиг времени законсервировал его.

Оборванная корневая система бионической конструкции обвисла белесыми плетями, тлеющие головешки, поднятые в воздух, рдели среди завитков дыма, – там, где сияла аура новорожденного энергетического растения, время замедлилось, и для внешнего наблюдателя пройдут годы, прежде чем погаснет пламя, а угли подернутся пеплом.

Егор Бестужев в немом оцепенении следил, как еще один разрыв пространства поглотил фрагмент родного мира.

Вот так мы и уничтожили его. «Сами», – горькая мысль все же прорвалась из глубин рассудка.

Бой стих, но катастрофические явления не прекратились. Небо заволокло тучами, они образовали вокруг новорожденного темпорала исполинскую воронку. В нескольких километрах от излучины у горизонта над холмами появилось злое зрелище зарево.

Егор привстал из-за укрытия, отряхивая с экипировки комья прилипшей глины.

– Грей?

– На связи!

– Прибить бы тебя! Зачем в бой полез?! Я же сказал: сам справлюсь!

– Но мы хотели помочь!

– Помогли! Дальше некуда! – Бестужев неотрывно наблюдал за формированием уже знакомого ему энергетического фронта, предвещающего локальную катастрофу. Так и есть! – Он все отчетливее видел, как в небесах на периферии циклона вспыхивают и гаснут длинные полосы холодного света. Появление нового разрыва метрики пространства и возникновение временного сдвига запустили непостижимый процесс. В такие моменты Егору казалось, что сама Вселенная защищается от необдуманных действий бранных, но самонадеянных существ.

«Времени у нас осталось в обрез, – промелькнула мысль. –

Минут пять, в лучшем случае – десять. Неизвестно, насколько далеко продвинется энергетический фронт».

– Грей, возвращайся к колонне! – приказал он. – Уводи машины назад по руслу! Ты понял меня?!

– Да. Но почему? Что происходит?!

– Некогда объяснять! Еще раз ослушаешься – пеняй на себя! Я уже ничем помочь не смогу!

– Да объясни ты толком...

– Машины уводи! Людей спасай! Я следом!

Мрачные, свинцово-седые, закрученные в воронку облака двигались все быстрее. Подул долгожданный ветер, пыль и дым подняло клубами, но тут же внезапными ураганскими порывами прибило к земле, загнало в ложбины.

Быстро сгустились сумерки, а затем бледный неживой свет озарил холмистую равнину от края до края.

Энергетический вал сформировался у горизонта и пришел в движение, стирая рельеф. Все, что попадалось на пути, поглощал огонь.

Деревья вспыхивали, словно факелы, земля исторгала стоны: в глубинах возвышенностей обитало множество существ – они оказались в ловушке, из которой уже не было спасения.

Сейчас прямо на глазах Бестужева происходило массовое зарождение темпоралов. Зрелище жуткое и одновременно завораживающее.

Там, где до сих пор работали силовые установки древних

космических кораблей, по всему обозримому пространству хаотично набухали полупрозрачные пузыри. Несколько секунд каждый из них существовал в виде полусферы, затем вдруг сияние начинало схлопываться в точку, а через миг из-под земли вырывался столб света, ударял в небеса, пронзая клубящиеся тучи, высекая из них изломанные зигзаги молний.

Внезапно начался ливень. Первые капли дождя хлестнули по пыльной, иссохшей земле, скатываясь в шарики, затем вдруг снова резко потемнело и хлынуло как из ведра.

Вода и огонь сошлись в скоротечной схватке, занявшись было пожары гасли, клубы едкого пара поднимались от земли, а вал призрачного сияния продолжал медленное, неумолимое движение, словно фантастический каток, которым неведомая Егору сила решила выровнять поверхность планеты, походя уничтожив все живое.

Почему? Зачем? Что за злой рок довлеет над нами?

Дождь все хлестал и хлестал.

По руслу реки уже бежал мутный глинистый поток. Егор оглянулся. Боевые планетарные машины медленно двигались против течения, их башни едва возвышались над поверхностью воды, вокруг них пенились буруны.

– Грей? Как у тебя? Ответь?

– Движемся, но медленно. Тут еще одна проблема, Егор!

– Поломки?!

– Нет! Эшранг требует развернуть колонну!

– С ума он сошел от страха?! Не видит, что творится вокруг?!

– Он говорит: если свернем по старой дороге, направо между холмами, и прорвемся к верфи армахонтов, то выживем!

Егор на миг задумался.

Он достаточно хорошо знал эшрангов. Они надменны, себялюбивы, но отнюдь не безрассудны. Надо сказать больше: если существует угроза для жизни, эшранг побежит, спасаясь, и только чрезвычайные обстоятельства способны заставить его рискнуть.

Древняя верфь армахонтов? Он что-то знает о ней? Уверен, что там безопасно?

Ситуация складывалась критическая, требовала мгновенных решений.

– Грей? Что перевозит караван? Конкретно?

Репликант удивился вопросу, но ответил:

– Зерно. В мешках.

– Проверь груз! Живо!

Наступила недолгая пауза, затем по связи раздалось ругательство.

– Егор! Тут песок!!!

– Что?!

– Обыкновенный песок в мешках! Но как же так?! Люди ведь от голода умирают! Эта тварь... Зачем?.. Я убью его!

– Караван был прикрытием. Он использовал вас, чтобы

добраться сюда! Эшранга не тронь! Делай, как он говорит!
Сворачивай по дороге к верфи!

– А ты?!

– Попытаюсь вас нагнать!

– Пешком? Не успеешь! Где ты сейчас находишься?! Передай свои координаты, пошлю за тобой машину!

– Двигайся к верфи! Не останавливайся!

* * *

Дождь прекратился так же резко, как и начался, напоследок плеснув моросью, небеса стремительно просветлели, вновь подул ураганный, порывистый ветер, он разогнал клубы едкого пара, и расширитель сознания наконец сформировал полноценную, панорамную картину происходящего.

Тысячи новорожденных темпоралов полыхали вокруг, и теперь в действиях эшранга прослеживалась четкая логика, основанная на недоступной Егору информации. Колонна уже выбралась из теснины русла, и на пути планетарных машин Бестужев не заметил ни одной аномальной области!

Полуразрушенный планетарный док занимал площадь в сотни квадратных километров, и зловещий энергетический вал начал медленно деформироваться, выгибаясь дугой, словно на древних руинах лежало какое-то мистическое заклятие и ни одна сила не смела затронуть их своим воздействием!

Неужели они до сих пор защищены какими-то устройствами армахонтов?!

Егор бежал, стремясь нагнать колонну, но ураганный ветер, заплутавший между новорожденными темпоралами, норовил сбить с ног, к тому же приходилось постоянно сканировать ауры энергетических деревьев, прокладывая извилистый маршрут, теряя время и силы.

Да, теперь Егор уже не сомневался: на территории верфи скрыто нечто исключительно важное, и караван служил лишь прикрытием для эшранга, чтобы тот мог нанять охрану, путешествовать под защитой, не вызывая лишних вопросов и подозрений.

Мог ли он предвидеть сегодняшние события?

Вряд ли. Эшранг не провидец. Он намеревался незаметно ускользнуть, бросив ничего не стоящий груз, как только колонна окажется поблизости от верфи. Внезапная стычка между сервами и хондийскими истребителями нарушила его планы. Но он по-прежнему твердо уверен в собственной безопасности.

Энергетический вал тем временем заметно истончился, растягиваясь, огибая верфь, теряя скорость и силу. Вскоре он исчезнет, оставив после себя безжизненную пустошь. Такие явления в последний год – не редкость. Планета гибнет, и до сегодняшнего дня Егор был уверен – никто не в силах остановить этот процесс.

Тем важнее нагнать колонну, допросить эшранга!

До дороги оставалось пройти метров пятьдесят. Бестужев вскарабкался по скользкому, налитанному дождевой водой глинистому склону, оглянулся и вдруг заметил позади себя какое-то движение!

Померещилось?

Нет. Вот опять!

Две фигуры в смутно знакомой Бестужеву гермоэкипировке неожиданно появились в поле зрения. Они прошли сквозь сочащуюся багрянцем ауру темпорала, словно и не заметили границ опаснейшего явления!

Встретить призраков среди структур, изменяющих пространство и время, – событие вполне заурядное. Фантомы попадают часто, их легко отличить по расплывчатым, едва заметным силуэтам. Гонимая ветром хмарь непогоды, по идее, должна проходить сквозь них, не встречая препятствия.

Егор присмотрелся.

Ничего подобного! Рваные клочья тумана огибали фигуры двух рослых гуманоидных существ!

«Неужели армахонты?!» – мысль обдала жаром.

В отличие от Грея Бестужев не сомневался в существовании древней цивилизации легендарных строителей межзвездной сети. Он знал о них не только по слухам, но полагал, что армахонты давно исчезли, стали историей.

Сейчас он невольно замер, неотрывно глядя на две рослые человекоподобные фигуры.

Вспомнил! Фрагменты такой же экипировки он видел однажды, в пору юности, когда по заданию эшранга ходил в недра ледника!

Это ничего не доказывает, но обреченная надежда уже встрепенулась в душе и не угасала.

– Подождите!

Крик потонул в вое ветра. Его не слышали.

Забыв об осторожности, Бестужев рванулся назад, петляя между темпоралами, страшась упустить из вида двух существ, занятых сбором данных, – они вновь вошли в границы ауры, установили там какой-то контейнер и принялись спорить между собой, эмоционально жестикулируя.

Ноги скользили, по щиколотки тонули в раскисшей глинистой почве.

Кто, кроме армахонтов, способен вот так запросто пересекать сдвиги времени?

Егору стало трудно дышать. Срезая путь, он неосторожно перешагнул границу желтоватого сияния и тут же пожалел об этом. Импланты ушли в сбой. Окружающее пространство моментально сузилось до границ видимости. Обычным человеческим зрением он замечал лишь беснующуюся вокруг пелену непогоды.

Правее!

Сердце билось неровно. В груди возникло неприятное ощущение, словно там все замерло. Ноющая боль сменилась ознобом, но он все-таки преодолел опасный участок,

вырвался в пространство между двумя световыми колоннами, споткнулся, упал, вновь вскочил и растерялся, утратив чувство направления.

Повсюду, куда ни глянь, клубятся поднятые ветром песок и пыль. Откуда они взялись? Только что ведь прошел проливной дождь и вокруг стелился туман!

Бестужев ничего не понимал. Ноги больше не тонули в грязи, почва растрескалась, как после многодневной жары.

Что делать? Пока не перезагрузятся импланты, нельзя и шага ступить. Ничего не видно на расстоянии вытянутой руки, а ветер все крепчает!

* * *

Первым заработал модуль технологической телепатии, и Егор неожиданно услышал голос, отчетливо прозвучавший в его рассудке:

– Анарг! – Судя по тону, кто-то с досадой выругался. – Да они же мне все настройки сбывают!

– Гейбл, не шегарай, – отозвался второй голос. Разговор шел на универсальном языке межрасового общения, но часть слов Бестужев просто не понимал. Еще один довод в пользу армахонтов? Помнится, хонди утверждали, что универсальный язык межрасового общения был создан на основе морфем древнейшей цивилизации.

– Да нолг уже! – раздраженно ответил первый. – Ну сколь-

ко можно?! Алогош чувствителен к энергиям, и они его лог! Сколько уже раз за последний год?!

Егор замер, не шевелясь. «Каким образом я слышу их речь? При чем тут мой модуль технологической телепатии?! Он ведь относится к сумме человеческих технологий!» – вопрос восприятия возник мгновенно, но не нашел здравого объяснения.

– Ладно. Успокойся. Наводи тут порядок, а я пока к верфи схожу. Надо обезвредить управляющий сегмент терфула.

– Ах, вот зачем тебя отправили вместе со мной? Ну да, логично. А почему терфул не эвакуировали? Он же находится в постоянной готовности, верно?

– Да, как и другие терфулы, на случай экстренной эвакуации. Я извлеку мерч.

– А терфул? Так и останется тут? Только подумай, что если им завладеют эти...

– Гейбл, не переживай. Не имея современной наносети четвертого уровня, никто не сможет даже на борт проникнуть. А без мерча от терфула вообще нет никакого прока, ты ведь понимаешь?

– Ну да, да, давай, только недолго.

Загадочные существа разделились. Один остался в границах ауры, второй направился в сторону планетарного дока древней космической верфи. Расширитель сознания уже заработал на полную мощность, и Бестужев снова видел оба силуэта.

К тому, что подле темпорала, соваться глупо. Остается второй. Его я смогу догнать!

Впервые Егор встретил существ, похожих на армахонтов. В его душе вновь встрепенулась слабая надежда. Нужно догнать незнакомца!

– Грей? – Он вышел на связь.

– Егор? Живой? Ты где? – немедленно откликнулся репликант.

– Иду к верфи.

– Мы уже на старой дороге! Еще немного – и будем спускаться к стапелю!

– К вам движется армахонт! Перехвати его! Задержи! Грей, это очень важно! Чтобы там ни кричал эшранг, делай, как я сказал!

– А что делать-то!

– Выйди ему навстречу! Останови, только без оружия, понял?!

– Егор, ты не ошибся? Это действительно армахонт?

– Я так думаю! В любом случае попытайся с ним заговорить!

– Ладно. Попробую.

Связь внезапно оборвалась.

Егор побежал что было сил, но вскоре выдохся, перешел на быстрый шаг. Почва под ногами то скользила, то вновь становилась твердой, потрескавшейся.

Загадочный визитер намного опережал его. Он двигался

прямоком через темпоралы и вскоре уже вышел к старой дороге, остановился, осматриваясь, и расширитель сознания Егора цепко ухватил его образ!

Он очень похож на человека! Сердце билось все чаще. Датчики имплантов зафиксировали энергетическую ауру, окружающую незнакомца. Что это может быть? Индивидуальное защитное поле?

Бестужев собрал остаток сил, вновь побежал.

Реальность расслаивалась. Сполохи блеклого сияния полосами струились над землей. Ветер то стихал, то вновь набирал ураганную мощь. Он нес капли дождя и тут же, буквально в следующий миг, внезапно и больно начинал сечь по лицу мельчайшими крупичками песка. В груди появилась резь. Дыхательная маска сбилась. Пришлось остановиться, поправить ее.

Вот и дорога. Впереди уже виднелись контуры боевых планетарных машин!

* * *

Грея Бестужев заметил издалека. Репликант не подвел, не испугался – вышел навстречу загадочному существу без оружия и сопровождения.

Связь по-прежнему сбоила. Егор ничего не слышал, модуль технологической телепатии глухо молчал, в коммуникаторе на всех частотах потрескивали помехи.

Незнакомец осмотрелся и, не заметив Грея, направился в сторону верфи. Он шел уверенным размашистым шагом, ничего не опасаясь, не обращая никакого внимания ни на боевые машины, ни на репликанта, словно не видел их!

Неприятный холодок зародился в груди Бестужева. Он невольно замедлил шаг, не понимая, что происходит?! Визитер вел себя так, словно он был тут совершенно один!

Егор задействовал расширитель сознания, внимательнее присмотрелся к загадочному существу.

Призрак! Теперь по дороге шел призрак! Грей тоже заметил полупрозрачную фигуру, поднял обе руки, показывая, что у него нет оружия, не понимая, чем чревата встреча с фантомом.

«Видимо, личное защитное поле, позволяющее этим существам спокойно пересекать границы искажений реальности, работало на принципе автоматического временного сдвига!» – подумал Егор. Путешествуя по безжизненным регионам гибнущей планеты, он повидал немало смертоносных явлений и сейчас находил лишь одно объяснение происходящему: система защиты, встроенная в экипировку незнакомца, полностью автоматизирована. Она фиксирует препятствие либо опасное явление и создает сдвиг времени! Вот почему облик таинственного существа то материализуется, то вновь обретает свойства фантома!

– Грей! – заорал Бестужев, пытаясь спасти репликанта, но было поздно, призрак уже поравнялся с ним.

Все, что оказалось в зоне действия его персонального защитного поля, вдруг начало рассыпаться в прах!

Визитер прошел мимо колонны, причиняя разрушение и смерть, но он-то этого не замечал! Для него не существовало ни БПМ, ни репликантов!

Вряд ли он осознанно хотел чьей-то гибели, но вышло именно так. Незнакомец прошел по дороге, оставляя после себя лишь серую субстанцию, похожую на пепел, который тут же подхватывал и уносил ветер.

Жизнь не щадила Егора. Он давно потерял счет утратам, но это не притупило остроты его чувств. Душа каменела в такие минуты. Дикая тоска сжимала сердце.

Он стоял на древней дороге. Снова зарядил дождь, и под ногами запузырилась серая грязь. Минуту назад она была людьми, техникой, эшрангом, морфами, а вот теперь – прах.

«Почему все, кого я пытаюсь спасти, погибают?»

Призрачная фигура незнакомца скрылась во мгле непогоды, а Егором вдруг овладел приступ отчаяния. «Этот мир погибал. Зачем же я цепляюсь за жизнь? Чтобы вот так однажды превратиться в горсть пепла? Сгинуть в очередном разрыве пространства?»

Вселенная молчала. Она не хотела отвечать или просто была равнодушна к происходящему?

Он долго стоял в оцепенении, глядя, как милосердный дождь смывает прах, бурлящими ручейками уносит его прочь, а затем вдруг угрюмо и решительно развернулся, раз-

машисто зашагал в сторону огромных, слегка наклоненных пилонов древнего сооружения.

Он не мог возродить погибших. Не мог повернуть события вспять. Но он был в силах хотя бы попытаться догнать незнакомца и потребовать от него внятного ответа на многие вопросы.

* * *

Древняя космическая верфь тонула в тумане.

Обозримое пространство постепенно сужалось по мере того, как Егор спускался все ниже, и вскоре взгляд уже не различал ничего, кроме молочно-белой пелены, лишь расширитель сознания вычерчивал перед мысленным взором иззубренные контуры обрушенных зданий.

Когда-то планетарный док занимал огромную площадь. Теперь от древних построек остались лишь руины, кое-где виднелись фрагменты дорог да двенадцать огромных пилонов, расположенных по окружности разрушенного стапеля, царили над местностью.

Почва под ногами оползала, скользила. Сырость пробирала до костей промозглым холодом. Дневной свет постепенно тускнел.

Куда мог направиться загадочный визитер?

И что надеялся отыскать тут эшранг?

Он запретил себе думать о потерях. Задавил боль, как де-

лал это не раз.

Коварный склон вывел его на сохранившийся участок дороги, идти стало легче, и вскоре Бестужев добрался до прочного и широкого выступа.

Туман остался выше, теперь он клубился над головой и воспринимался как низкая облачность. Егор увидел изгибающуюся полосу усеянного разными обломками «берега», а чуть дальше и ниже – свинцово-серую рябь воды. Древний стапель затоплен. Собственно «берег» – это устоявшая под напором времени широкая кольцевая дорога, ведущая по периметру огромного инженерного сооружения.

Бестужев остановился.

Он знал о существовании этой верфи, бывал в ее окрестностях, но в те времена все постройки заполнял лед. Исследовать их не представлялось возможным.

Теперь в его распоряжении были лучшие из созданных людьми систем сканирования. Он мог заглянуть в глубины затопленного дока, узнать, что именно скрывают за собой потрескавшиеся стены двенадцати пилонов.

Куда же пошел незнакомец?

Егор медленно, тщательно сканировал доступное пространство. Здесь, среди руин непонятных сооружений действительно не возникло ни одной аномалии, не было и темпоралов, к которым Бестужев уже привык как к некоей неизбежности.

Визитер собирался что-то забрать – это было ясно из слу-

чайно услышанного фрагмента разговора. Значит, он должен синхронизировать свое защитное поле с реальным течением времени либо вообще отключить его.

Постепенно по мере накопления данных перед мысленным взглядом Бестужева появлялось все больше и больше подробностей. Датчики имплантов работали на пределе возможностей, сканирующее излучение проникло сквозь стены двенадцати исполинских пилонов, но внутри, к разочарованию Егора, удалось различить лишь какие-то давно остановившиеся, пришедшие в негодность механизмы. Ни одного активного источника энергии. Все давно и безнадежно разрушено.

Он сосредоточил внимание на затопленном планетарном доке и сразу же обнаружил тусклую, движущуюся в толще воды сигнатуру.

Энергетическую матрицу излучало защитное поле незнакомца. Он погружался. Егор с досадой понял, что последовать за ним не получится. Нет соответствующей экипировки. Глубина впадины больше километра.

Ему оставалось только одно: набраться терпения и ждать на «берегу».

Искра надежды еще тлела в душе. Он гнал прочь безысходные мысли, и все же они прорывались в сознание. А если двое загадочных существ не армахонты? Но кто тогда? Представители какой-то неизвестной высокоразвитой цивилизации? Нет, вряд ли. Они общаются на универсальном языке,

похожи на людей, используют недостижимые для нас технологии.

Егор неотрывно следил за погружением незнакомца. Тот действовал спокойно, уверенно, в точности знал, куда именно должен попасть, изредка корректируя направление, двигаясь к центру впадины.

Наблюдая за тусклым пятнышком энергоматрицы, Бестужев постепенно концентрировал внимание, и датчики расширителя сознания, следуя напряжению его мысли, перефокусировались, проникая все глубже сквозь толщу темной воды.

Тонкие, трепещущие линии начали появляться перед мысленным взором Бестужева.

Он чутко внимал обострившимся до предела чувствам, но очертания какого-то огромного, покоящегося на дне объекта искажались, ускользали от понимания – Егор старался изо всех сил, но не мог собрать воедино обрывочные данные.

Рука машинально потянулась к подсумку.

Малый разведывательный зонд – сфера величиной с теннисный мяч – с тихим плеском ушел под воду.

МаРЗа Егор хранил бережно, использовал редко, лишь в крайних случаях. Высокотехнологичный аппарат разведки являлся для него последней материальной частицей памяти о прошлом, об эпохе, из которой его вырвало сдвигом времени.

Впрочем, нет.

Был еще один артефакт, но иного толка...

Черты Бестужева напряглись, заострились. Он мысленно сопровождал погружение зонда. Данные пошли увереннее, полнее.

Линий стало больше, они очерчивали некую правильную геометрическую форму.

В глубинах затопленного стапеля покоился странный объект. Внешне он напоминал двояковыпуклую линзу трех километров в диаметре, разделенную на двенадцать клиновидных сегментов, соединенных с центральным стержнем.

Егор сразу подумал: космический корабль! Вот что надеялся отыскать эшранг! И не его ли двое странных существ именовали непонятным словом «терфул»?

Зонд достиг глубины восемьсот метров. «Предел для моих сканеров, – подумал Егор. – Если позволю ему продолжать погружение, потеряю связь».

Он отдал мысленный приказ. МаРЗ остановился, отрегулировал плавучесть, остановился на заданной глубине.

Теперь его датчики могли сканировать не только внешнюю форму, но и внутреннюю архитектуру техногенного объекта.

Наполнение ближайшего к МаРЗу сегмента выглядело однотипным. Егор различил сотни одинаковых по размеру и конфигурации помещений высотой в три метра, выполненных в виде плотно пригнанных друг к другу пятигранников.

Похоже на соты. Между отдельными массивами помеще-

ний проложены узкие коридоры.

Он не мог отделаться от ощущения, что уже где-то видел подобные отсеки. Среди обломков кораблей? Да, точно! Таковую же пятигранную форму имели стандартизированные модули, предназначенные для жизнеобеспечения колоний алгитов – мыслящих кристаллов, основного компонента любой навигационной системы.

Но, у Егора перехватило дыхание, даже корабль крейсерского класса нес на борту не более трех колоний мыслящих кристаллов. Одну основную и две резервные. Здесь же он видел десятки тысяч отсеков.

Мысль о колониальном транспорте алгитов критики не выдерживала. Во-первых, корабль находится в доке. Во-вторых, мыслящие кристаллы никогда не осваивали другие планеты. Они даже не помнили, где расположен их родной мир.

Алгиты издревле служили армахонтам. Тайна их происхождения покрыта мраком. В одном Егор не сомневался – кристаллы живые и разумные. Он пару раз видел выжившие колонии, да и в судьбе «Прометея» – корабля его предков – алгиты сыграли не последнюю роль...

Концентрация внимания отнимала все силы. Появилась резкая головная боль. Слюна во рту стала тягучей. Терялось ощущение реальности.

Корабль успели достроить – Егор все еще держался, анализируя поступающие данные. Внешних повреждений нет. Двенадцать сегментов плотно состыкованы друг с другом

и соединены с центральным стрелем.

Загадочная конструкция не имела аналогов среди известных Бестужеву типов космических кораблей.

Незнакомец тем временем проник внутрь «терфула». Чтобы войти, он воспользовался шлюзом, затем его энергоматрица бледным пятнышком продвинулась по узкому коридору между сотами отсеков. В глубинах сегмента располагалось помещение, отличающееся от остальных по форме. Обособленный цилиндр, судя по поступающим данным, имел двойной корпус и собственную шлюзовую камеру. Что располагалось внутри – неясно. Таких подробностей сканеры МаРЗа не транслировали.

Боль разрывала рассудок. Егора лихорадило. Работа расширителя сознания отнимала жизненные силы, небывалая концентрация внимания уже вышла за предел возможного.

Он отдал МаРЗу приказ на возвращение, на ощупь отыскал среди кармашков экипировки капсулу с хондийским препаратом, судорожным усилием проглотил ее.

Резкое прояснение рассудка не принесло избавления от боли. Дальше станет еще хуже, но на ближайшую четверть часа он стимулировал организм.

Зонд всплывал.

По данным, поступающим от него, незнакомец что-то забрал из отсека и сейчас возвращался по узкому коридору к шлюзовой камере.

Егор рассчитывал встретить загадочного визитера, когда тот выберется из воды, но события вдруг начали развиваться по совершенно непредсказуемому сценарию.

Бестужев успел немного отдышаться, нашел силы встать и побрел по берегу, к точке, где, по его расчетам, незнакомец должен был выбраться на старую, усыпанную обломками дорогу.

Вокруг царила глубокая тишина.

Туман клубился над головой. Очертания пилонов терялись в его пелене.

Это место пропитывал какой-то потусторонний, нереальный покой. Егор шел, пошатываясь, спотыкаясь, стараясь не упустить из поля мысленного зрения энергетическую матрицу всплывающего существа.

Постепенно по мере сокращения дистанции он начал различать кое-какие подробности.

Незнакомец забрал из таинственного корабля цилиндрический контейнер внушительных размеров.

Это и есть «мерч»? – Бестужев остановился, вновь сконцентрировал внимание.

Результат сканирования ошеломил его, даже вызвал недоверие к полученным данным. Он вообще-то ожидал увидеть колонию алгитов, к такому предположению подталкива-

ла логика предыдущих наблюдений, и действительно, внутри капсулы находились кристаллы, но не живые, а искусственно созданные, пронизанные непонятными структурами, собранные из микроустройств, выполненных на уровне нанотехнологий.

«Неужели модуль центрального бортового компьютера? – мысль промелькнула на уровне доступных аналогий. – Ядро системы таинственного корабля?!»

Затаившись за крупным обломком, недалеко от уреза воды, он продолжал наблюдать.

Рослое гуманоидное существо приближалось.

Кто же он? Человек или армахонт?

Сейчас узнаю...

* * *

Ответа Егор не получил. Он ждал, пока незнакомец выберется на сушу, но тот даже не показался из-под воды, – опережая его появление, вдруг ударила ослепительная вспышка света, словно в тумане над верфью вдруг зажглось еще одно солнце.

Ветер налетел порывом, разорвал клубящийся над котловиной полог.

Бестужев невольно привстал, обернулся и увидел второго визитера. Тот стоял метрах в пятидесяти выше по склону.

Ослепительный свет, сконцентрированный в точку, пылал

несколько мгновений, затем воздух пронзили сотни энергетических нитей, часть из них, плавно извиваясь, пронзила поверхность воды, другие потянулись к существу на склоне.

Егор попытался закричать, но не смог. Мышцы парализовало. Он потерял способность двигаться, дышать, словно время внезапно остановилось.

Его сердце замерло. В груди разрасталась боль.

Миг растягивался в вечность. Потрескивая, рассыпая искры, медленно двигались нитевидные разряды энергии. Точка, пылающая в небе над верфью, была пробоем метрики пространства, уж этих явлений Егор повидал достаточно.

Обоих существ окружили пылающие коконы. От эпицентра энергетической активности потянулись новые нити, ударили в склон, образуя две параллельные линии знакомых Егору явлений – там, где разряды соприкоснулись с поверхностью, зарождались темпоралы.

Он ощутил, как медленно ударило его сердце. Перекошенный рот силился схватить глоток загустевшего воздуха.

Темпоралы зародились и выросли в течение нескольких секунд субъективного времени. На самом деле их рост был мгновенным, но Егор находился вне катастрофического явления – он сейчас видел лишь бледный призрак событий.

Ветер стих, наступила глубокая тишина.

Его сердце вновь остановилось.

Режущая взгляд вспышка света волной прокатилась по темпоралам, вспухла волдырем и лопнула, ударив в небеса

столбом энергии.

Егор ослеп. Он ничего не видел и не ощущал.

...Когда он очнулся, загадочных существ нигде не было.

Бестужев лежал на берегу, у кромки воды, часто, судорожно дыша. Сердце молотилось как бешеное. Разорванный полог тумана стремительно затягивал прорехи.

Пробой метрики пространства закрылся. Темпоралы исчезли, но память сохранила их необычную упорядоченную конфигурацию.

Мир снова погружался в сумерки.

Надежда, злая, опаленная горечью произошедших событий, робко встрепенулась в душе.

Егор не задушил ее, потому что знал: в гибнущем мире есть еще одно место, где темпоралы образуют точно такую же упорядоченную структуру!

Глава 2

Необитаемые регионы Пандоры

Три недели спустя...

На исходе дня, после многих невзгод долгого и тяжелого пути Егор Бестужев увидел Аллею Темпоралов.

Таинственное место, о котором ходило много слухов. Среди пестрого конгломерата существ, населяющих гибнущую планету, постепенно начала формироваться религия. По мере деградации, потери знаний, утраты технологий быт становился все тяжелее и проще. Сознание тоже менялось, постепенно блекла память о космических путешествиях. Устойчивым оставался лишь миф об Армахонтах, но из легендарных строителей межзвездной сети они в восприятии ныне живущих поколений превратились в существ богоподобных, всемогущих, а беды, обрушившиеся на Пандору, теперь трактовались многими как кара, ниспосланная свыше.

Бестужев всегда оставался твердым материалистом. Явления, которые не мог понять, он не считал мистическими. Ранно или поздно им находилось разумное объяснение.

Однако Аллею Темпоралов даже в его восприятии окружал ореол тайны.

Однажды он едва не погиб тут и вот теперь вернулся.

Когда-то он верил – здесь начинается путь в иные миры, но не знал, как открыть заветный портал, не понимал, что

нужно сделать?

Нередко он слышал: Аллея Темпоралов открывает путь в прошлое, в счастливую эпоху золотого века, когда планета была райским садом. О язвах пространственно-временных аномалий в ту пору никто и не знал.

Вера.

Что она для нас? Проблеск света в ночи, путеводная нить, последний рубеж защиты рассудка перед силой неодолимых обстоятельств или костыль, на который мы опираемся, смертельно устав от жизни?

Чем больше трудностей преодолевал Егор, чем больше видел смертей, переживал утрат, терпел лишений, тем сильнее манило его сюда.

Он и раньше пытался пройти через Аллею Темпоралов, но не сумел. Та надежда угасла, но после событий, произошедших в окрестностях древней верфи, затеплилась вновь, вспыхнула крошечной искрой на фоне царящего в душе мрака.

А что, если они действительно существуют? Богоподобные, мудрые, вззирающие на нас в ожидании: когда же оставленные ими знаки будут прочитаны, истолкованы и в действие придут могучие механизмы, обладающие властью над временем и пространством, когда же вестник из гибнущего мира придет к ним, без страха, с простой, понятной, идущей от сердца просьбой и скажет: «Мы поняли свои ошибки, мы до смерти наигрались с непостижимыми для нас технологи-

ями, наша ненависть друг к другу отгорела, мы хотим мира, мира и света. Мы хотим созидать, растить детей, строить дома — жить, а не выживать, теряя близких».

Егор присел на взгорок.

Колоннада холодного света издали была похожа на фантастическую взлетно-посадочную полосу. Две линии темпоров образовывали аллею. Сюда, преодолевая множество опасностей, приходили многие. Их кости белели вокруг как доказательство наивных, но искренних стремлений. Если всматриваться в глубину Аллеи, то можно заметить фигуры разных существ, застывших, похожих на изваяния.

Но если армахонты не исчезли и действительно обладают властью над явлениями космического масштаба, почему же допускают столько жертв, зла, заблуждений, несправедливости?

Часто Егора бесила собственная неспособность слепо поверить, ринуться очертя голову туда, в холодный свет, уповая... на чудо?

«А что еще можно сделать? Будь рядом Паша Стременков, он бы выдвинул гипотезу относительно Аллеи. Будь здесь Родька Бутов, он бы пошел туда не оглядываясь. А что же я? Буду кружить, как одинокий амреш? Или ждать знака?»

Он смертельно устал. Скитаясь по Пандоре, дошел до черты отчаяния и перешагнул ее.

Больше всего Егор страдал от одиночества. Много лет, на-

чиная от момента имплантации хондийского нерва, он сторонился людей, а теперь ему хотелось ощутить рядом друга, но страх перед очередной потерей уже превратился в фобию.

Он с трудом оторвал взгляд от манящей и одновременно зловещей колоннады, осмотрел окрестности.

Все осталось таким, как он запомнил. Вот черное пятно от костра. Рядом, будто опрокинутая набок кукла, валяется андроид. Неподалеку стоит изрешеченный пулями внедорожник. Предметы запечатлели историю одного предательства, вспоминать которое Егор не хотел.

Передохнув, он встал, пошел к машине. Андроид, когда-то пытавшийся убить его, лежит тут давно. Его одежда сгнила, пеноплоть облезла, тяги приводов покрылись пятнами окислов. Сквозь обнажившийся эндоостов проросли трава и низкорослый кустарник.

Егор с усилием приподнял человекоподобный механизм, установил вертикально и начал счищать с него налипшую землю. Вскоре показался тусклый, не подверженный коррозии металл.

Он забыл об усталости. Во внутреннем кармане износившейся полевой формы Бестужева, запаянные в пакет из пластика, хранились нейрочипы, взятые от другой человекоподобной машины.

Механизм, который сейчас разбирал Бестужев, не представлял для него никакой ценности. А вот чипы (их он собирался установить в отремонтированный эндоостов) при-

надлежали другу – искусственному интеллекту, прошедшему долгий путь саморазвития.

Он достал из рюкзака и расстелил на земле кусок непромокаемой ткани, прикатил камень, уселся на него, разложил нехитрый инструмент и вновь принялся за дело, вспоминая навыки, полученные еще в юности.

Тьма упала внезапно. Стальная радуга перечеркнула небосвод. Свет луны посеребрил окрестности. Егор включил фонарик, продолжая работать, изредка исподлобья поглядывая в сторону Аллеи Темпоралов.

* * *

К утру последний из заветных нейрочипов был установлен в новом носителе, согласно маркировке.

Он достал из рюкзака микроядерную батарею, поместил ее в слот.

Прошла минута, другая, и заново собранный человекоподобный механизм внезапно шевельнулся. Надрывно взвизгнули сервомоторы, он сел, опираясь одной рукой о землю. Внутри сферы, выполненной из дымчатого пластика, появился изменчивый узор индикационных сигналов.

Егор, используя модуль технологической телепатии, отправил тестовый сигнал.

Андроид не отреагировал. Он медленно поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, словно пытался понять,

где он очутился. Видимо, комплекс его связи не заработал или загрузился со сбоями.

– Ты меня слышишь? – глухо спросил Бестужев.

Визг.

– Слышу, – раздался синтезированный голос машины.

– Кто я?

– Человек. Не хозяин. Человек. Не хозяин. Человек...

– Достаточно! Кто ты?

– Колониальный механизм, серийный номер... – последовал набор цифр.

– Вспомни, кто ты, – настаивал Егор. – Иницируй нейросеть!

– Выполняю.

Андроид замер, не двигаясь.

Бестужев подождал некоторое время, но ничего нового не происходило. Инициализация личности – процесс долгий и не всегда успешный.

Глаза слипались от усталости.

Солнце, как всегда, появилось в зените и светило ярко, согревая озябшую землю. Аллея Темпоралов поблекла. Среди холмов на почтительном удалении от аномального участка местности закипала дневная жизнь.

Егора неодолимо клонило в сон, и он не стал сопротивляться навалившейся усталости, прилег на землю подле неподвижного андроида, который сейчас пытался по фрагментам восстановить свою личность, и мгновенно уснул.

Проснулся он ночью от холода и промозглой сырости.

С пасмурного неба накрапывал мелкий дождь. Аллея Темпоралов тонула в густом тумане.

Андроид куда-то исчез.

Егор привстал. Чувство опасности окатило дрожью, но тут же схлынуло.

Все тихо вокруг. Нерв молчит. Расширитель сознания, как часто бывало после глубокого сна, включился в работу со вспышкой головной боли. Тьма мгновенно отпрянула, перед мысленным взором появилась четкая картина окружающего.

Среди серых контуров близлежащих холмов читалось с десятков энергоматриц. Две из них привлекли внимание Егора. Пальцы медленно разжались, отпуская оружие.

Из зарослей вышел андроид. В ночной тиши слышалось повизгивание его изношенных приводов. Вторая энергоматрица принадлежала хондийскому транспортному кораблю – он «укоренился» метрах в пятидесяти от Аллеи Темпоралов и выглядел как обыкновенная пологая возвышенность.

Вскоре человекоподобный механизм появился в поле зрения. В руках он нес охапку сухих веток.

– Холодно нынче. – Андроид присел на корточки, быстро, сноровисто развел костер. Пламя лизнуло тонкие ветки и тут же загудело, набирая мощь. От огня дохнуло теплом

и уютом.

– Ты вспомнил? – Бестужев подсел ближе к костру.

– О чем? – Андроид устроился рядом и тут же занялся делом – принялся перебирать тяги правой ноги.

– Себя вспомнил? Нейросеть инициализировал?

– А как же! Ядро системы работает стабильно, а вот приводы барахлят и сканеры постоянно сбоят. Нужно ремонтировать.

– Кто ты?

– Карл. Карл Дитрих Мейер. Так зовут моего хозяина¹.

– Нет, неправильно. Помнишь меня?

– Да. Но смутно. – В устах машины подобное утверждение прозвучало абсурдно. – Ты назовешь свое имя? – спросил он.

– Нет.

– Почему? – андроид удивился. А значит, его нейросети работали, эмулируя эмоции!

– Ты должен вспомнить, – настаивал Егор. – Вспомнить, кем был. Вспомнить меня.

– Не понимаю. Зачем? Мне нужно ремонтировать приводы и сканеры.

– Ты – искусственный интеллект. Ты развивался на протяжении полувека. Ты знаешь меня с пеленок. – Бестужев говорил отрывисто, лаконично, стараясь дать подсказки при минимуме информации.

---

¹ Чтобы различать человекоподобные машины не только по серийному номеру, им присваивали имена, идентичные именам их хозяев из числа колонистов.

– У меня технические проблемы? Сбой памяти?

– Ты попал в аварию. Я смог спасти лишь нейрочипы. Накануне я установил их в другой эндоостов.

– Спасибо. Понятно. А где мой хозяин?

– Его нет.

– Когда он придет? Его уже пробудили? Криогенная ячейка номер пятьсот тридцать восемь. Это важно!

Егор промолчал. Пока рано говорить андроиду, что его хозяин давно погиб. «Видно, я все же напутал с чипами во время установки», – огорченно подумал он.

– Сам постепенно вспомнишь. – Бестужев дотянулся до рюкзака достал еду и воду. – Займись отладкой приводов. Со сканерами разберемся позже. Я перекушу и схожу осмотрюсь.

Решение постепенно вызревало в душе.

«Я должен снова попытаться пройти через Аллею, – думал Егор, разжевывая безвкусный пищевой концентрат. – Но прежде придется исследовать темпоралы, понять, где скрыт механизм их активации».

Он искоса взглянул на андроида. Тот сидел, глядя на мятущиеся языки пламени костра.

Задумался. Значит, процесс восстановления личности идет. Иначе ковырялся бы в приводах, не тратя время на самоанализ.

«Мне потребуется не только друг и помощник, – размышлял Егор, – но и надежное убежище». Он решительно встал

и направился в сторону холма, в глубинах которого тлела характерная энергоматрица.

* * *

Шлюз хондийского корабля скрывали заросли кустарника.

Егор с трудом проложил путь сквозь пружинистые, усеянные шипами ветви, затем расчистил небольшую площадку и при помощи обыкновенной саперной лопатки принялся копать землю, короткими взмахами перерубая сплетения корней.

Тяжелые мысли не отпускали. Родной мир погибал. «На что же я надеюсь?» — думал он, с ожесточением вздыхая и отбрасывая в сторону глинистую почву.

Нерв подавленно молчал, лишь расширитель сознания вычерчивал в глубинах холма плавные контуры обшивки чужого корабля.

Егор присел, смахнул выступившие на лбу капельки пота. Судьба не щадила пандорианцев, но ведь родину не выбирают.

Непрощенные воспоминания, изначально принадлежавшие не ему, полученные при имплантации вместе с модулем технологической телепатии, часто тревожили рассудок, особенно в минуты крайней моральной усталости, словно десятки голосов из прошлого, живущие внутри, шептали: «Помни

о нас. Помни. Помни...»

Он глубоко задумался, машинально счищая со штыка лопатки комья вязкой глины.

Когда колониальный транспорт «Прометей» после слепого рывка через гиперкосмос вышел в границах этой звездной системы, взглядам экипажа предстала подавляющая разноразмерная картина: на орбитах единственной, мало-мальски пригодной для жизни планеты сверкающими кольцами простирались скопления обломков, оставшихся после ожесточенной битвы между иными, неизвестными людям, намного более высокоразвитыми цивилизациями.

По сути, пандорианцы были и остаются заложниками чужой войны, отгремевшей еще в ту пору, когда Человечество взирало на звезды через призму средневековых представлений о космосе.

«Был ли у экипажа выбор?» – часто спрашивал у себя Егор. «Нет, не было», – сам же отвечал он. Первый и единственный в истории Земли частный колониальный проект завершился полным крахом надежд. Андрей Игоревич Русанов – владелец «Прометея» – совершил роковую ошибку, когда доверился информации, полученной от Алгитов – колонии мыслящих кристаллов, найденных на Земле, на месте крушения инопланетного корабля.

В ту пору уже было известно, что космос плотно заселен представителями иных цивилизаций, ведущих непонятную людям войну, но Русанов все же рискнул, решился на меж-

звездный прыжок и проиграл.

«Прометей» сблизился с планетой, на поверхности побывали разведывательные группы. Они принесли удручающую информацию – панцирь ледников толщиной в несколько километров сковывал безжизненный мир. Множество обломков, впаянных в лед, предложили исследователям цепь очередных загадок. Как образовались ледники? Почему обломки космических левиафанов находятся не на дне кратеров, а заключены в толще льдов? К тому же при тщательном осмотре одного из объектов МаРЗы зафиксировали энергетическую активность, а затем обнаружили неизвестный вид силового поля, заполняющего поврежденные отсеки зеленоватым сиянием, в глубинах которого виднелись фигуры инопланетных существ, застывших, словно время для них остановилось за мгновение до гибели.

По сути, так оно и было. Просто люди тогда еще не имели ни малейшего представления об устройствах стазиса.

Передохнув, Егор снова принялся копать, расчищая шлюз.

Цепь роковых обстоятельств разделила экипаж «Прометей». Большинство колонистов, погруженные в криогенный сон, оставались в неведении относительно происходящих событий. Небольшая группа первопроходцев, которую возглавлял прадед Егора – Андрей Бестужев, высадилась на планету. С помощью роботизированных комплексов они приступили к строительству первичного поселения, для которого

избрали удобную систему из трех небольших, расположенных уступами горных плато.

Русанов остался на борту «Прометей». В ходе сканирования обломков зонды обнаружили исполинскую орбитальную станцию. Туда отправили исследовательскую команду.

Две недели прошли относительно спокойно. Криогенные модули успешно отстыковались от колониального транспорта и совершили посадку на срединном плато.

Исследовательские группы медленно, но верно продвигались в глубины загадочной орбитальной конструкции. Они проникли внутрь через пробоины в обшивке, беспрепятственно прошли через разгерметизированные отсеки внешнего слоя, а вот дальше пришлось вскрывать переборки.

«Кто же мог предположить, что станция Н-болг, выглядевшая поврежденной, покинутой, на самом деле населена морфами и хонди?» – думал Егор, расширяя раскоп. Общее ошибочное мнение озвучил Русанов, пренебрежительно заявив: «Битва произошла давно, кто выжил и мог спастись – спасся, остальные погибли. Обломки же не представляют угрозы – их необходимо тщательно осмотреть в поисках инопланетных устройств и технологий».

Он жестоко заблуждался. Никто из выживших в битве не мог покинуть эту звездную систему, ибо ни одна из чуждых людям цивилизаций не обладала технологией мобильного гиперпривода, а стационарная точка доступа к внепространственной сети армахонтов оказалась безнадежно поврежде-

на. Более того, экипажи космических кораблей не погибли — на планете и в космосе, в толще льдов и в безмолвии вакуума полыхали изумрудным сиянием участки локально остановленного времени, и в них, словно в глыбах зеленоватого янтаря, для тысяч инопланетных существ продолжался растянутый в вечности миг.

Морфы, населявшие Н-болг, восприняли продвижение исследовательских групп как вторжение. Они мобилизовали небольшой флот, состоявший из хондийских кораблей, и направили его к колониальному транспорту.

Люди и чужие не сумели понять друг друга. Произошла короткая схватка, «Прометей» получил тяжелейшие повреждения, вошел в неуправляемый дрейф и канул в бездне пространства.

Его дальнейшая судьба неизвестна.

* * *

Егор Бестужев принадлежал к третьему поколению колонистов. Его детство и юность прошли среди бескрайних ледников.

Жизнь была нелегкой, но понятной.

О чужих в ту пору почти ничего не знали. Было известно лишь одно поселение хонди, расположенное неподалеку, на границе между группой постоянно извергающихся вулканов и ледником. Там, подле теплых озер и жил небольшой анклав

разумных насекомых, с которыми люди иногда торговали.

Солнце никогда не проглядывало сквозь плотные облака, но все ждали прихода Весны – постепенного потепления, предсказанного еще первым поколением колонистов.

Лопата с характерным звуком чиркнула обо что-то твердое.

Егор осторожно соскоблил глину. Так и есть. Борт. Шероховатый, покрытый сложным узором бороздок материал органической брони, похожей на хитин, но гораздо более прочный, влажно поблескивал. По нему паутинкой распластался корень какого-то растения. Шлюз наверняка зарос, придется его взламывать, а это разбудит корабль, словно задремавшего зверя.

Капля воды змейкой соскользнула по открывшему участку брони. Он сидел на корточках, едва уместаясь в узком, пропитанном влагой лазе. Запах сырости будил тяжелые воспоминания.

Надежда на лучшую жизнь в течение нескольких лет обернулась сокрушительной климатической катастрофой.

Льды, сковывавшие Пандору, начали стремительно таять. Никто не мог объяснить столь резкого, внезапного, ничем не обоснованного потепления. Талые воды сметали все на своем пути, а потепление продолжалось. Исследования лишь констатировали факт: планета разогревается, получая энергию из неизвестного источника.

Бестужев отчетливо помнил полузатопленное колониаль-

ное убежище, постоянное чувство голода, абсолютное отчаяние, медленную, неотвратимую агонию, помнил людей, превратившихся в тени.

– Егорка? – Синтезированный голос андроида заставил его вздрогнуть, очнуться, оторвать взгляд от капель воды, змеящихся по испачканной глиной броне. – Чем ты тут занят?

Он с трудом развернулся в тесном лазе, выбрался из него, отряхнул руки.

– Копаю, как видишь. Вспомнил меня?

– Давай помогу. Устал небось? А зачем копаешь? – Андроид заглянул в импровизированный раскоп, на взгляд определил принадлежность корабля по фрагменту брони. – Хондийский?

Бестужев кивнул.

Он ждал ответа на свой вопрос.

– Повзрослел ты. Если не сказать – постарел.

Вспомнил, значит.

– Какой сейчас год? – поинтересовался андроид. – Не пойму, внутренние часы какую-то ересь показывают. – Он сыпал просторечными словечками. – Будто полтора века прошло. Но ведь это сбой, верно?

– Нет, – ответил Егор.

– Да ладно! Сколько тебе сейчас лет?

– Тридцать два.

– Вот видишь! Нелепица!

– Просто ты многое пропустил. Внутренние часы не лгут. Прошло полтора века, а мне тридцать два года.

– Каким образом? – вновь не поверил андроид.

– Сдвиг времени. Помнишь то внезапное потепление?

– А как же. Многие события как в тумане, но в основном помню. Как мы Русанова нашли в спасательном модуле. Как вскрывали «курганы спящих», то есть криогенные модули с «Прометея». Как разбудили землян. Помню, они едва живые были. Шутка ли – сорок девять лет криогенного сна!

– А дальше?

– Чернота. Меня ведь Русанов в пропасть столкнул?

– Это был не Русанов. Морф. Он принял облик Андрея Игоревича.

– Зачем?

– Чтобы разбудить научный состав колонистов. Возродить корпорацию. Отыскать «Прометей». Он хотел вырваться из этой системы и хорошо понимал: его единственный шанс – это установка гиперпривода колониального транспорта.

– Постой! – Андроид взвизгнул мимическими приводами, позабыв, что лицевой мускулатуры и пеноплоти у него больше нет. – А сам Русанов?!

– Его спасательный сегмент на самом деле не упал на планету, а врезался в станцию Н-болг. Он попал в плен к морфам. Не знаю, жив ли? Да и цела ли станция? От нее только фантом в ночном небе остался.

Андроид некоторое время молчал, пытаясь осмыслить по-

лученную информацию, затем спросил:

– Тайну потепления разгадали?

– Помнишь фрагменты космических кораблей, впаянные в лед?

– Конечно!

– У большинства из них работали системы стазиса. Когда льды постепенно начали таять, некоторые обломки сместились. Произошло то, чего никогда не случилось бы в космосе: поля стазиса наложились друг на друга. Это вызвало первый разрыв метрики пространства, микроскопическую аномалию. Планету начала разогревать энергия, поступающая из гиперкосмоса.

– Это доказано?

– Угу, – кивнул Егор. – Начался потоп, – он коротко излагал события. – Корабли чужих оттаяли, течениями их сбивало в огромные острова. Одни системы стазиса отключались, другие продолжали работать, появились новые разрывы метрики пространства и сдвиги времени.

– А вы? – На металлопластиковом лице машины невозможно различить эмоции, но синтезированный голос дрогнул.

– А мы боролись как могли. Захватили хондийский крейсер. Научились использовать установки стазиса как оружие. Создали периметр, который останавливал время для любого, кто пытался прорваться на нашу территорию.

– Хондийский крейсер?! – вновь удивился андроид. – Им

же невозможно управлять!

– Ошибаешься. – Егор стянул перчатки, показал ему набухшие на ладонях железы. – Мне имплантировали нерв разумного хонди. Я руководил захватом крейсера, а потом управлял им.

За скучными пояснениями Егора скрывалась чудовищная, трагическая история его жизни – от момента имплантации нерва до дня сегодняшнего.

Его отчаянную борьбу с иным мировоззрением, с чужими инстинктами трудно описать простыми словами. Она стерла из памяти годы жизни. Он умирал и воскресал. Не физически, но морально. Перерождался под воздействием нерва, управлял системами хондийского крейсера, превращенного в убежище для горстки выживших, и постепенно становился его рабом.

Он стал крестным отцом для поколения репликантов, искренне верил, что только полное истребление чужих даст возможность жить дальше, избавиться от хондийского нерва и снова стать человеком и физически, и духовно.

Не вышло.

Катастрофа, охватившая Пандору, лишь набирала мощь. Льды растаяли, образовались моря и океаны, а потепление продолжалось.

– Мы возродили корпорацию, – глухо произнес Егор. – Тайн Вселенной не разгадали, но научились использовать устройства стазиса, менять их настройки. Долго объяснять,

да я и не специалист. Паша Стременков – вот кто мог бы растолковать тебе техническую сторону вопроса.

– Он жив?

– Была война. – Егор словно не услышал вопроса. – Мы создавали технику и штамповали искусственных бойцов. В последнем наступлении Родька Бутов командовал механизированным батальоном. Я был в его расположении, когда произошел первый глобальный сдвиг времени. Видишь колонны света?

Андроида засбоило от обилия информации, но он все же кивнул:

– Продолжай.

– Это темпоралы. Наша война с чужими не меняла ничего. Теперь понимаю. Планета была обречена, но появились они, – Бестужев кивнул в сторону загадочных энергетических «деревьев». – Проросли в местах разрывов метрики и «запечатали» их. При первом появлении темпоралов – этот миг называют теперь их «рождением» – время разделилось. Я попал в сдвиг, но выжил. Вот, наверное, и вся правда, если в двух словах.

– А ребята? – снова спросил искусственный интеллект.

– Они живут в ином потоке времени. Однажды я сумел пройти через периметр, взглянуть на город. Там все хорошо. Пока.

– Пока? – насторожился андроид.

– Планета постепенно погружается в стазис, – пояснил

Егор. – Вскоре время для нас остановится. Навсегда. Если раньше не произойдет чего-то похуже. Повсюду разрывы пространства. Думаю, с ними уже и темпоралы не справляются. Не спрашивай, что наступит раньше – конец времен или физическое разрушение Пандоры, я просто не знаю.

– А морф?

– Я его уничтожил, – Бестужев ответил сухо, не хотел вспоминать подробностей.

– Так... – Искусственный интеллект сел. Взвизгнули сервомоторы, пальцы его рук сцепились в замок. – Мы заперты на планете?

– Да.

– И связи с колонией у тебя нет?

Егор кивнул.

– Копаешь зачем?

– Чтобы выжить. Нерв встроен в мой метаболизм. Умрет он – умру и я. Вытяжка из хондийских препаратов давно закончилась. Необходим корабль. Я должен восстановить силы.

Андроид разжал пальцы, протянул руку:

– Дай-ка мне лопатку. А сам передохни. И расскажи все, что я пропустил, по порядку, в подробностях.

– Зачем? Степ, мы...

– Зови меня «Дитрих», ладно?

– Почему? – искренне удивился Бестужев.

– Личность была синтезирована заново. Не все нейрочи-

пы в рабочем состоянии. Я ощущаю себя другим андроидом, тем, кому ранее принадлежало аппаратное ядро системы. Невзирая на память знакомого тебе искусственного интеллекта.

– Ладно. Как скажешь. – Бестужев протянул ему саперную лопатку. – Но не вижу смысла излагать в подробностях. Растолковать научную сторону проблемы я не смогу. Только время потратим.

– Ну, я, к примеру, буду копать. А ты переведешь дух.

– Не темни. Говори прямо. Что именно ты хочешь услышать?

– Ну, – он повернул голову, взглянул на Аллею Темпора-лов, – думаю, ты пришел сюда не только ради одичавшего хондийского корабля. И меня заново собрал с какой-то определенной целью, верно?

– Ладно. – Егор вновь натянул перчатки, присел. – Копай.

* * *

Заросший ороговевшим панцирем шлюз хондийского корабля удалось раскопать лишь к вечеру следующего дня.

Они о многом успели поговорить, пока работали, сменяя друг друга. Андроиду отдых вообще-то не требовался, но его незащищенные приводы оказались слабым звеном, и он делал частые перерывы, очищая их от налипшей глины.

– Надо найти тебе одежду, – проворчал Егор.

– А пеноплоть нельзя раздобыть?

– Нет. – Бестужев коснулся преграды кончиками пальцев, осязая небольшое утолщение по периметру неработающего люка, затем стянул перчатку, и в воздухе поплыл резкий запах: хондийские железы на его ладонях источали мощный хемосигнал, приказывающий кораблю открыть доступ внутрь.

Никакой реакции.

Управляющая нейросистема деградировала за века забвения. Корабль питался, регенерировал, но полное отсутствие внешних раздражителей постепенно превращало его в муляж.

Андроид щелкнул газоанализатором.

– Как у тебя получается?

– Особый тип кибермодулей. Они считывают мысленную команду, переводят ее в сигнал, понятный нерву, а тот в свою очередь управляет работой желез.

– А нерв влияет на тебя?

– Да. Метаболически. Вообще-то не должен, между моим рассудком и нервом непробиваемая стена из кибермодулей. Но он практически сразу нашел обходной путь. Едва не сделал из меня раба примитивных желаний и рефлексов.

– Ты его обуздал?

– До определенной степени, – ответил Егор, возобновляя попытку открыть шлюз.

Снова ничего не вышло. Сенсоры у него атрофировались,

что ли?

– Ломать?

– Не спеши. – Бестужев зубами стянул вторую перчатку. От выделяемых феромонов резко закружилась голова, перед глазами все поплыло.

Внезапно раздался треск. Монолитная с виду преграда раскололась на сегменты, мышцы корабля привели их в движение, в местах срастаний выступила розоватая сукровица, послышался чавкающий звук, пахнуло мускусом, панцирные пластины упали в глинистую жижу, а обнажившаяся мембрана шлюза вдруг лопнула, за ней с небольшим опозданием чавкнула и вторая.

Пальцы Егора мелко дрожали.

– Что ты сделал?

– Напугал его. Ну-ка, в сторону, живо!

Из пасти открытого шлюза выметнуло едкое облако мельчайших капелек. Корни растений, попавшие в быстро тающее облачко, мгновенно почернели и рассыпались в прах.

Обе шлюзовые мембраны начали закрываться, но Егор не дал им завершить движение. На этот раз он действовал наверняка: железы на его ладонях отправили внутрь корабля плевков из остро пахнущей субстанции.

– Все, он наш, – выждав пару минут, произнес Егор. – Входим.

– Чем ты его напугал?

– Запахом. На планете, откуда родом хонди, обитает очень

большой и опасный хищник. Я синтезировал его запах.

– И корабль попытался защититься?

– Угу, – коротко ответил Егор. Этой уловке он научился у пленного хонди, давно, когда допрашивал его на борту захваченного крейсера. Любое воспоминание той поры причиняло боль.

Он шагнул в тесный переходной тамбур, словно в сумерки собственной души.

Нерв жадно ловил запахи, определяя состояние корабля.

Полный отстой. Живое подобие войскового транспорта. Нейросеть деградировала.

Изнутри корабль выглядел совершенно диким. Повсюду лишь ребра жесткости да пульсирующая плоть между ними. Некоторые коридоры заросли. Порадовало лишь наличие биореструктивной камеры, рассчитанной под транспортировку и обслуживание фаттах. В случае необходимости истребитель можно вырастить, благо кибермодули Бестужева хранили генетический образец хондийского истребителя и инструкции для работы с инкубатором.

– Здесь будем жить? – андроид осмотрелся.

– Тебе что-то не нравится?

– Слишком большая влажность. Интересно, а мне он не может нарастить плоть?

– Не юродствуй. Хотя, – Егор на миг задумался, – хитиновые кожухи изготовить не сложно.

– Нет уж, – проворчал андроид. – Лучше найдем ка-

кую-нибудь одежду. Чем помочь?

– Тут ты бессилен. Пока займись отладкой сервосистем и восстановлением сканеров. Заметил армейский вездеход у подножия склона?

– Да. Мне его отремонтировать?

– Вряд ли это возможно. Покопайся в электронной начинке. Может, подберешь для себя какие-то запасные части.

– Понял. А ты?

– Поработаю тут. Иди.

– А я не могу остаться? Понаблюдать?

– Нет, – отрезал Бестужев. – Процесс очень личный. Мне будет не по себе.

– Это опасно?

– Нет. Скорее – отвратительно.

* * *

Оставшись один, Егор разделся донага и прилег на мягкий бугристый пол отсека.

«Уже не раб хондийских инстинктов, как было в самом начале, сразу после имплантации нерва, но и не человек, в силу изменившейся психологии. Я чудовище, созданное по необходимости, ради выживания многих, но теперь уже ненужное, вот только вовремя не уничтоженное», – подобные мысли смертельно ранили, а порой доводили до иступленного отчаяния.

Корабль медленно просыпался. Он ловил сложные, пове-
левающие запахи, источаемые Бестужевым, реагировал на
них, но и настроение Егора не ускользало от внимания оч-
нувшейся управляющей нейросистемы. Стена отсека пере-
катывалась мускулами, постепенно меняя конфигурацию, –
из нее как будто выдавливало посты управления, похожие на
грибовидные наросты. На одном из них сквозь мельчайшие
поры вдруг начали проступать капельки маслянистой жид-
кости. Наркотик, несущий успокоение.

Нет. Не нужно. Не сейчас!

Корабль повиновался медленно и неохотно.

Маслянистые капли постепенно изменили цвет и запах.
Питательная смесь, поддерживающая силы. Егора бил бес-
контрольный озноб. Его шея напряглась, голова неестествен-
но вывернулась, глаза закрылись, язык потянулся, слизнул
несколько капель.

Нерв пылал желаниями. Он жаждал слиться с кораблем,
войти в прямой контакт с его нейросетью, стать частью це-
лого, раствориться в трансформациях плоти.

Нет! Рано!

Сознание резко прояснилось. Действие хондийских мета-
болических препаратов наступает мгновенно. Теперь орга-
низм Егора освободился от тяжелой необходимости выраба-
тывать не свойственные для человека химические соедине-
ния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.